सत्यात् नास्ति परो धर्मः
НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ ИСТИНЫ

XXI век №8

Содержание

Москва
2010

ИНТЕРВЬЮ С РАДХОЙ БЕРНЬЕ,
президентом Теософического Общества

— Теософическое Общество было основано 135 лет назад; актуальны ли всё ещё его цели?

Цели Теософического Общества таковы, что нам не приходится постоянно менять их. Они будут актуальны ещё долгое время в будущем. Всеобщее Братство едва ли существует в наши дни, а жизнь становится всё труднее по мере того, как с одной стороны растут способности человека изобретать и использовать свои изобретения, а с другой стороны сам он не меняется и остаётся всё таким же жадным и полным гнева. Изменение целей не изменит этих проблем. Это люди должны измениться.

— Почему в наше время так трудно провозглашать всеобщее братство без всякой дискриминации? Можете ли вы назвать какую-нибудь причину?

Трудно помогать людям понять Всеобщее Братство, что значит относиться по-братски даже к недружественным, гневающимся и т.п. Это потребует времени, но человечество должно понять потребность в нём уже сейчас. Фактически, пока мир не станет единым, для нас будет важно подчёркивать этот аспект, поскольку это будет влиять на все наши отношения. Мы не сознаём, что братство — не вопрос того, каким именно методом мы действуем, а того, каковы мы внутренне и как действуем по отношению ко всем вещам, как более, так и менее важным.

— Каким основным видам деятельности должно посветить себя Теософическое Общество, чтобы быть верным своим целям в наше время?

Главная деятельность Теософического Общества — создавать то самое братское чувство между людьми, придерживающихся разных взглядов, целей, имеющих разные интересы и т.д. Это должно быть нашей целью во все времена, пока мы не сможем во всех областях жизни проявлять благосклонность, добрую волю и любовь. Тогда деятельность Теософического Общества естественно будет соответствовать его целям.

Но у нас есть и две дополнительных цели, и одна из них в том, чтобы освободиться от суеверий или неверных идей, которые вкрались или были внедрены за прошедшие века во все религии. Добравшись до сердца каждой религии, мы обнаруживаем, что в основе все они учат одному — как освободиться от таких животных чувств как страх, подозрительность, желание подняться и руководить всем и т.п. Когда они будут искоренены, человеческая натура сможет подняться на более высокие уровни, пример которых являют Иисус Христос, господь Будда и другие.

Третья цель нашего Общества указывает на то, что мироздание функционирует на разных уровнях. Некоторые учёные, как например Дэвид Бом, больше понимали это и писали об этом. Люди, поднявшиеся на этот уровень, ведут себя по отношению ко всему иначе, чем те, чьё поведение считается сейчас «нормальным». Эта новая жизнь для человека и есть то, ради чего мы должны работать.

— Важно ли ещё для теософов изучать труды Е.П. Блаватской и «Письма махатм»?

Я бы не сказала, что для теософов важно изучать труды Е.П. Блаватской и «Письма махатм». Это может быть хорошо. Великие высказывания перемешаны в них со многими заурядными вещами. Потому ум должен быть разборчивым и способным к распознаванию. Он должен быть также открыт к великим учениям, целью которых была помощь человечеству, пришедшим из других источников. Когда ум открыт ко всему истинному, тогда он сможет получить помощь и от трудов Блаватской, и от «Писем махатм», и от многих других произведений, таких как Бхагавад-гита.

— Можно ли считать послание и работу Джидду Кришнамурти вполне теософическими?

Весть и работа Кришнамурти *по сути своей* теософичны. Если жить по ним, можно понять многие другие учения, включая самые глубокие. Но естественно, человеческому телу, чтобы быть в наилучшем возможном состоянии, требуются определённые условия, например, ему бывает нужно расслабиться. Оно не может всё время быть инструментом для передачи возвышенных учений. Кришнамурти как раз можно назвать примером того, кто мог иногда обсуждать одежду, еду или какие-то другие подобные мелочи, и к этому не следует относиться как к чему-то полностью теософическому.

— Расскажите нам что-нибудь о своих личных отношениях с Джидду Кришнамурти.

Я лично была к нему очень привязана, я наблюдала и слушала его как человека, обладающего большим пониманием. Это не следует считать чем-то особенным. Он был настолько непохож на большинство людей, что всякий, у кого была возможность приблизиться к нему, должен был приобрести к нему отношение необычное и которое служило бы примером для обычного человека.

— Что может сделать Теософическое Общество в настоящее время для поощрения диалога между разными религиями?

Диалог между религиями должен быть реальным. У разных религий есть что сказать мудрого, больше или меньше, и потому, если отбросить дурацкие дополнения и обратиться к настоящему учению, человек может учиться. Иначе диалог становится лишь возможностью показать себя. В наше время непросто налаживать диалог особенно между разными религиями. В худшем своём варианте религии имеют фиксированные идеи, правильные и неправильные, которые не могут быть основой для диалога.

— А что насчёт диалога между философией, теософией и наукой?

Когда целью становится истина, она включает в себя много вещей. Философия, религия и наука могут стать путями, чтобы идти к истине, но не обязательно единственным средством. Человек может быть настолько чист сердцем, обладать ясным восприятием и правильно действовать, что ему не понадобится диалог между наукой и религией и т.п., но их можно использовать, чтобы помочь прояснить себе свои собственные мысли, и это очень важно.

— Есть ли что-то особенное, что вы хотели бы сказать участникам X всемирного конгресса Теосфического Общества?

То особенное, что всем членам Теосфического Общества, включая прибывших на этот конгресс, нужно осознать, это что мир можно улучшить не через догматизм или какой-нибудь другой «изм», а через большую универсальность, любовь, прямоту и правдивость и другие такого рода качества. На собрании подобном этому, что бы мы ни обсуждали, это должно делать нас лучшими человеческими существами в том смысле, чтобы мы не позволяли страстям управлять нами. Человек должен стать другим, научиться не расставлять людей по полочкам, помещая в разные отделения, не отделять себя от прекрасного и чудесного мироздания, которое повсюду вокруг нас. Согласно индусской мысли, когда ум изменится, изменится и мир, а потому мы должны сделать свои умы чистыми, правдивыми, любящими и обращёнными к высшей жизни.

Rivista Italiana di Teosofia, июль 2010

В 2008 году исполнилось сто лет с начала деятельности Теософического Общества в России, и в связи с этим в США в английском переводе была впервые опубликована история русского теософического движения, написанная Еленой Фёдоровной Писаревой (1853–1944). Этот текст долго считался утерянным, но был недавно найден в архивах Теософического Общества в США (Уитон, Иллинойс). Русская публикация в виде отдельной книги, сопровождённой фотографиями и дополнительными историческими материалами, уже полностью подготовленная к печати, тогда не состоялась по причине кризиса и отмены издательствами всех проектов, не суливших большой прибыли. Сейчас текст впервые публикуется в нашем журнале по русскому оригиналу, дошедшему до нас в рукописной копии, сделанной, по всей вероятности, жившим в эмиграции в США теософом Николаем Рейнке.

Е.Ф. Писарева

ИСТОРИЯ РУССКОГО ТЕОСОФИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Возникновение теософического движения в России

До начала XX века теософия была совершенно неизвестна в России, несмотря на то, что её учения были принесены в западный мир русской женщиной. Это странное явление объясняется двумя причинами. В России в главе всех церковных дел, в числе которых находилась и цензура русских и иностранных изданий, касающихся религиозных вопросов, стоял обер-прокурор св. синода Победоносцев, наложивший запрет на всё несогласное с догматами Православной Церкви. Его влияние во время царствования Александра III было роковым для России; он был непримиримым фанатиком православия и самодержавия и сознательно строил стену между царём и передовым русским обществом. Его пагубное влияние продолжало после смерти Александра III направлять и политику молодого царя, Николая II, что вызвало затаённое недовольство и причинило горькое разочарование передовой России.

Второй причиной, почему теософия оставалось неизвестной в России, послужило то обстоятельство, что Е.П. Блаватская, родившаяся и воспитанная на юге России, но проведшая почти всю остальную жизнь вне России, была совершенно неизвестна в русских культурных слоях. Единственным источником сведений о ней и о её деятельности служила изданная в России книга «Современная жрица Изиды» Всеволода Соловьёва, её личного врага, который изобразил её в роли обманщицы и авантюристки, причём сделал это после её смерти. Благодаря этой книге ни один голос в России не поднялся на её защиту до 1906 года, когда появилась в переводе на русский язык первая её теософическая книга «Голос Безмолвия» с предисловием переводчицы, старавшейся выяснить русской публике истинное значение и великую ценность Е.П. Блаватской.

Первым пионером теософии в России следует считать Н.К. Гернет. Она ежегодно ездила за границу, бывала на большинстве европейских теософических съездов, познакомилась с Анни Безант и с большим риском для себя провозила запрещённую в России теософическую литературу. Главный склад этой литературы сохранялся в Петербурге, в помещении друга её детства Анны Алексеевны Каменской, с которой они вместе проходили курс средней школы в Женеве. По окончании ими курса обе семьи, Каменской и Гернет, вернулись в Россию, и А.А. Каменская поселилась в Петербурге, а Н.К. Гернет — в Ревеле[1].

В эту эпоху А.А.К. была сильно захвачена просветительным движением, начавшимся в России по инициативе передовых групп, которым, после смерти Победоносцева, удалось сделать многое в смысле просвещения русского народа. Непосредственное влияние Победоносцева прекратилось, но убеждение, что спасение России состоит в строжайшем охранении самодержавия и православия, продолжало жить в сознании молодого царя, и все попытки лучших русских людей сблизиться с ним и с избранным им правительством оставались тщетными.

Россия раскололась на две части: с одной стороны — оппозиция всех лучших элементов России, стоявших за просвещение народа и за улучшение его быта, за свободу мысли и печати и за введение конституции; с другой стороны — настроение царя и двора и всех назначаемых свыше чиновников с реакционным направлением. Этот внутренний раскол послужил причиной всех дальнейших бедствий России.

Первым толчком к возникновению теософического движения в России послужило непредвиденное событие в личной жизни А.А. Каменской. Склад теософической литературы, как уже было упомянуто, Н.К. Гернет держала в помещении А.А.К. и горячо уговаривала её познакомиться с теософической литературой, прибавляя каждый раз: «c'est justement pour vous»[2].

Но А.А.К. принуждена была весь день давать уроки французского языка, чтобы содержать свою семью: мать, няню и двух младших сестёр; все же промежутки между уроками, включая и воскресенья, она отдавала своей общественно-просветительской деятельности. Благодаря этой непрерывной работе она не могла исполнить желание своей подруги до тех пор, пока несчастный случай не принёс ей невольный досуг. Это произошло в 1899 году; спеша на урок, А.А.К. поскользнулась на улице, и падая, сломала ногу. Это приковало её к постели на целый месяц. Она вспомнила о сохранявшейся у неё теософической литературе и попросила достать для неё первую попавшуюся книгу из сундука, где сохранялись теософические книги Н.К. Гернет. Книга, которую вынули для неё, оказалась «In the Outer Court» (В преддверии Храма) Анни Безант. С первой страницы она была так захвачена, что прочитала всю ночь напролёт, и когда кончила, ей показалось, что «перед ней разорвалась завеса, и она увидала весь путь человечества и весь смысл страдания». Немедленно после выздоровления А.А.К. вступила в члены Английской Секции Теософического Общества, а в 1902 г. поехала в Лондон, чтобы лично познакомиться с Анни Безант.

Здесь уместно дать краткую биографию А.А.К. и её характеристику, оказавшую своё влияние на направление, принятое теософическим движением в России.

---

1 Ныне Таллинн. *Здесь и далее, если не указано иначе, — прим. ред.*

2 Это как раз для вас.

А.А.К. родилась 25 августа 1867 г. в г. Павловске вблизи Петербурга. До 15 лет она провела очень счастливое детство сперва в Германии (в Баварии и Вюртемберге), затем в Женеве, где окончила среднее образование. Её мечтой было поступить в университет, но в это время произошло разорение её матери, и явилась необходимость вернуться на родину. По окончании Высших Женских Курсов ей пришлось зарабатывать уроками французского языка средства на содержание семьи. Она стала chef de famille (главой семьи), и все суровые условия её ранней молодости, углубляя её сознание и укрепляя её и без того сильную волю, были как бы подготовительной школой для её будущей роли вождя.

В 17 лет она получила место преподавательницы французского языка в передовой гимназии Стоюниной, а с 18 лет ей приходилось брать и на летние вакации[1], которые в России продолжались 3 месяца, занятия гувернантки в помещичьих усадьбах различных губерний.

Очень характерно для определения её свойств то, что в такие молодые годы, прежде чем ехать на летнюю кондицию, она всегда ставила родителям своих будущих учеников условие — дать ей carte blanche (полную свободу) во всём, что касается образа жизни, поведения и занятий вверенных ей детей. По большей части ей попадались распущенные и избалованные дети, но она умела привязать их к себе; зато с родителями приходилось постоянно вступать в тяжёлую борьбу, отстаивая свой план воспитания и свободу действия, и каждый раз победа оставалась за ней. Это тем более удивительно, что в её натуре не было никаких агрессивных свойств. Шла она на эти тяжёлые переговоры с родителями всегда с бьющимся от страха сердцем, зная, что в случае неудачи она должна будет немедленно уехать, потеряв и своё положение, и заработок, и все усилия, вложенные в работу с детьми, которые уже обещали успех.

Эта летняя работа и многообразный опыт не только развили её педагогический талант и врождённый героизм, но и познакомили её с бытом и условиями жизни различных слоёв России.

В начале моего сближения с Анной Алексеевной меня поражали многие её черты, резко отличавшие её от всех известных мне людей. Я искала объяснения у её матери, но она призналась мне, что и она сама не понимает, откуда у её дочери такие свойства. Когда она была совсем малюткой, мать увидала ясно звезду над её колыбелью. А когда ей было всего два года, она часами добивалась, с сосредоточенным упорством, до тех пор, пока ей не удавалось сложить разноцветные мозаики в данный рисунок. Позднее, когда началось уже учение, она до того углублялась в свои задачи, что не видела и не слышала ничего вокруг. При этом она оставалась резвым и весёлым ребёнком, и когда кончала свои уроки, любила резвиться и играть с детьми и была всегда во главе их игр и затей. Её потрясала всякая ложь как что-то непонятное для неё, и она не выносила грубости и жестокости в людских отношениях, и в особенности по отношению к животным. Особенно поражало её мать соединение в ней нежности и уступчивости во всех мелочах, касавшихся её, с порывами почти безумного гнева, когда она видела, как дети мучают какое-нибудь живое существо. Бывало, что она с такой яростью бросалась на целую толпу детей, защищая их жертву, что почти каждый раз обращала их в бегство. Её школьная подруга, Нина Гернет, подтверждала наблюдения матери А.А. Обе рассказывали мне, что необыкновенной чертой в её детстве было то, что она всегда устанавливала строгий план каждого дня и неуклонно выполняла его.

Когда я близко сошлась с ней — ей было тогда 34 года — она представляла для меня живую загадку. По происхождению и воспитанию она принадлежала к тому же культурному классу, как и все мои знакомые и друзья, но откуда в ней появилась эта внутренняя утончённость во всех областях её мысли, чувства и поведения; и каким образом могли сочетаться в ней редкая кротость и незлобивость с пламенным темпераментом, непреодолимой волей и всеми чертами бесстрашного воина? Ключ к этой загадке я нашла много позже, когда изучение теософии познакомило меня с восточной психологией. Я поняла, что А.А.К. вмещает в своём западном теле восточную душу, вероятно, уже вступившую на Путь и прошедшую через строгую духовную дисциплину, подготовляющую к нему. Когда же мы начали совместно работать для теософии, я убедилась, что в ней, кроме того, вмещается и огромная работоспособность, и редкий организаторский талант.

Я начала свой очерк русского теософического движения с характеристики Анны Алексеевны Каменской потому, что замечательный успех и быстрота, с которой начала распространяться теософия в России, зависела от двух причин: от личных свойств той, которая, став инициатором, а затем и вождём русского теософического движения, внесла в него всю силу, цельность и энтузиазм своей души. Это была одна причина.

Другую нужно искать в психологических особенностях русской души. Эти особенности отличают её от западноевропейской души, и сближают с Востоком, особенно с Индией, в том отношении, что основой её внутреннего мира является религиозное начало. Для неё оно — *главное*, всё остальное — второстепенное, лишь временная надстройка. При сравнении настроений культурного слоя Западной Европы и России разница скажется в том, что земное творчество и земное благополучие и интересы личные и семейные являются главной двигательной силой для западного европейца, тогда как для русской души впереди всего стоят вопросы вечные и голос совести. Отсюда — бескорыстный идеализм её интеллигенции, а также и бóльшая часть душевных трагедий русского человека. Он грешит, как и все, но он глубоко страдает от своей нечистоты. Если углубиться во внутренний смысл русской истории, окажется, что религиозное начало было главной двигательной силой во всех её событиях. Когда волею Петра Великого было уничтожено патриаршество, и Церковь — силою вещей — оказалась орудием государства и вместе с тем опорой династии и привилегированного сословия, с тех пор началось постепенное отпадение передового слоя России от «видимой» Церкви и искания иного рода для религиозных истоков своей души. Возникло жертвенное служение обездоленному народу. Вся борьба передовой России с реакционным правительством, все наши революционные движения до последней большевистской революции имели в своей основе религиозный характер. Обращаясь к новейшей истории, следует отметить, что самая значительная политическая партия в России, Конституционно-Демократическая (кадеты), имела в виду впереди всего наделение крестьян избыточными частновладельческими землями и уравнение в политических и иных правах всех сословий; а между тем, большинство членов этой партии принадлежало к привилегированному сословию «помещиков». Октябрьская революция, основанная на классовой ненависти и разъединении, лишена этого религиозного начала, и потому она не принялась русским народом. Она держится только благодаря насилию.

Это же религиозное свойство русской души явно проявилось и в нашем теософическом движении. Учения теософии отвечают на *главное*, на вопросы вечные, и потому теософия стала для вступивших в её Общество *главным* интересом жизни, впереди всех личных, семейных и партийных интересов. Приведу несколько примеров. Россия очень велика, расстояния её несравнимы

1 Каникулы.

с западными, и поэтому собираться на общую работу являлось для всех представителей, разбросанных по её большому простору групп, большим затруднением и требовало больших жертв. А между тем, не было случая, чтобы кто-либо из представителей провинциальных групп отказался от присутствия на ежегодных собраниях 17 ноября в Главной Квартире, находившейся в Петербурге, почти на окраине России.

Анна Алексеевна Каменская, выбранная генеральным секретарём (председателем) возникшей Русской Секции Теософического Общества, ввела с самого начала широкое демократическое начало в нашу работу; она ничего не решала единолично и старалась всеми способами вызывать личную инициативу и самодеятельность во всех, кому было поручено вести местные отделы Теософического Общества. С этой целью, начиная с 1909 г., вскоре после легализации Русского Теософического Общества, она предложила всем представителям отделов кроме съезда на годовых собраниях в Петербурге собираться ещё раз на летнюю работу во время каникул в Подборках (родовая усадьба семьи Писаревых) Калужской губернии, где она гостила у меня во время летних вакаций каждый год до 1918 г., когда вместе с другими усадьбами была уничтожена и наша. Несмотря на то, что представители наших отделов не были в большинстве ни богатыми, ни свободными людьми, все не только охотно, но и радостно отозвались на этот призыв, и с различных концов страны — из Киева, Ялты, Ростова, Харькова, Полтавы, Москвы и Петербурга, — съезжались во второй раз в году на летнюю семидневную работу. Длинное путешествие, расходы, личные дела, — ничто не останавливало их, потому что теософия стала для них главным делом жизни, они действительно «meant business»[1], как определил Ледбитер правильное отношение к теософии. Другой пример. С самого основания Русской Секции горячей мечтой всех её членов было побывать на европейских теософических конгрессах, лично увидеть А. Безант и других лидеров, и с каждым разом число русских участников теософических конгрессов увеличивалось несмотря на то, что большинство членов Русской Секции были люди небогатые и трудящиеся. Они отказывали себе во многом, чтобы скопить денег на эту поездку, и на последнем довоенном конгрессе в Стокгольме в 1913 г. число его русских участников достигло небывалой в летописях Теософического Общества цифры — их было 65 человек. Приведу ещё один пример: несмотря на то, что наша теософическая секция не имела со стороны никакой материальной поддержки, и мы не имели ни основного фонда, ни субсидий, почти одновременно с её возникновением решено было издавать свой собственный ежемесячный журнал «Вестник Теософии», просуществовавший без перерыва 10 лет в формате и размере (110 с.), сходном с адьярским «The Theosophist».

Перехожу теперь к последовательному изложению истории теософического движения в России до начала 1918 г., когда советские власти не только запретили наши собрания, реквизировали нашу типографию и обрекли на уничтожение весь запас нашей теософической литературы, но и решили посадить в тюрьму нашу председательницу А.А. Каменскую. Этот арест не состоялся только благодаря её случайному отсутствию в Петербурге.

После прочтения в 1900 году книги «В преддверии храма» Анна Алексеевна немедленно вступила в члены Английской Секции Теософического Общества, а в 1902 г. отправилась в Лондон, где была представлена А. Безант, приехавшей туда для председательства на конвенции[2]. Вслед за тем А.А. передала ей письмо, в котором изложила состояние своей души и желание посвятить себя теософической работе. В ответ на это письмо Анни Безант пригласила её к себе, и после продолжительной беседы объявила, что принимает её как свою личную ученицу.

Почти одновременно и пишущая эти строки была приведена к теософии. В моей внутренней жизни произошёл тяжёлый кризис: я утеряла веру в Бога, и вся жизнь перестала иметь для меня смысл. Моя внешняя жизнь была вполне благополучна: я имела семью, достаток, хорошее положение в обществе, всё, что делает земную жизнь ценной, но я утратила *главное*, и она стала для меня невыносимой. Я упоминаю об этом личном переживании, чтобы дать иллюстрацию к моей характеристике русской души. Я стала молить «неведомый мир» — если он существует — дать мне знак. Ответом на эту молитву было моё знакомство с теософией и Древней Мудростью.

В 1901 году я попала, вернее — была приведена — в Вельдек (живописное местечко близ Лайбаха[3] в тогдашней Австрии),[4] где на берегу маленького альпийского озера была Naturheilaustalt[5] д-ра Рикли. Там, кроме меня, оказалось несколько теософов и генеральный секретарь Голландской Секции Фрике. Меня познакомили с ним, и он первый ввёл меня в область теософии и снабдил основной теософической литературой. Она отвечала на вопросы вечные, и потому я решила немедленно вступить в Теософическое Общество.

После возвращения в Россию я получила письмо от тогда мне неизвестной Нины Гернет, в котором она выражала желание лично познакомиться со мной. Жила она тогда в Ревеле, а я — в центре России, немного южнее Москвы. Упоминаю об этом, чтобы охарактеризовать, насколько она активно и самоотверженно выполняла свою роль «вылавливания душ» для теософии и «теософического почтальона», как мы шутя называли её.

Она писала, что в Лондоне она слышала о моём интересе к духовным вопросам, называя при этом совершенно незнакомое мне имя, и что готова приехать ко мне, если я пожелаю. Меня это поразило, так как путешествие от Ревеля до Калуги требовало не менее двух суток, стоило дорого, и притом меня она совсем не знала! Я ответила, что рада буду познакомиться с нею; она приехала и очень старалась убедить меня в необходимости теософической пропаганды в России, снабдила меня теософической литературой в подлиннике и уговорила поехать с нею в сентябре в Берлин, куда должна была приехать Анни Безант.

У меня было непреодолимое препятствие для такой поездки, но совершенно неожиданно оно устранилось, и я смогла поехать с ней.

Анни Безант остановилась в помещении Немецкой Теософической Секции. В то время генеральным секретарём её был д-р Рудольф Штайнер, а его деятельной помощницей — Мария Яковлевна Сиверс, дочь заслуженного русского генерала, очень интересная и талантливая девушка. (И её завербовала Нина Гернет, и она же познакомила её с д-ром Штайнером, а самого доктора — с теософией.)

Чтобы наглядно показать, каково было в то время отношение д-ра Штайнера и всей Немецкой Секции к Анни Безант, упомяну о том, что произошло, когда она, закончив собрание теософической ложи, удалилась. Доктор, которого просили перевести её речь на немецкий язык, не ограничился передачей лекции, а прибавил длинное рассуждение от себя. Все старшие члены Секции с М.Я. Сиверс во главе набросились на него с упрёками и порицаниями за то, что он посмел после

1 Относились серьёзно, думали о деле.
2 Т.е. съезде.
3 Ныне Любляна.
4 Ныне г. Блед, Словения.
5 Природолечебница.

её гениальной речи излагать свои собственные мысли. Он был чрезвычайно смущён и бормотал что-то в своё оправдание.

В этот же день я была представлена Анни Безант и с первой же минуты так сильно почувствовала её величие, что на всю остальную жизнь оказалась её преданной слугой.

В это же пребывание в Берлине я, благодаря М.Я. Сиверс, познакомилась со всей Немецкой Секцией и сблизилась с д-ром Штайнером, который очень интересовался Россией и очень ценил русских членов своей Секции.

На обратном пути, проездом через Петербург, я познакомилась с Анной Алексеевной Каменской, к которой у меня было поручение от Нины Гернет. С первого же дня знакомства мы порешили, что нужно как можно скорее начать пропаганду теософии в России, и тогда же я составила небольшую статью о публичной лекции А. Безант, а также и о происхождении Теософического Общества. А.А. поместила мою статью в одной из больших петербургских газет, и мы тогда же условились работать сообща. Я пригласила её на летние каникулы в нашу деревенскую усадьбу. В следующее лето 1903 года она приехала ко мне, и начиная с этого времени возникла наша тесная дружба; все свои летние вакации, а также рождественские и пасхальные праздники она проводила у меня. Мы вместе составляли план нашей общей работы для теософии, выбирали теософические книги для перевода и издания, составляли лекции для первого ознакомления русской публики с теософией и т.д.

В том же 1903 году она начала в Петербурге, а я в Москве знакомить русскую публику с теософией.

До легализации нельзя было выступать публично, и наши сообщения приходилось делать в различных салонах, хозяева которых интересовались духовными вопросами и приглашали нас с этой целью. Один из этих салонов в Петербурге принадлежал Анне Павловне Философовой, которую знала и чтила вся просвещённая часть России. Её деятельная роль во всех либеральных начинаниях просветительной эпохи Александра II была так велика и так неразрывно связана со всем освободительным движением русской женщины, что её имя перейдёт в русскую историю, как одно из её светлых явлений. Благодаря высокому положению её мужа, одного из любимых приближённых государя, и благодаря обаянию её светлой личности, её внешней и внутренней красоте, ей удавалось добиваться даже от наиболее ретроградных министров и сановников разрешения на самые передовые начинания.

Когда А.А. Каменская добилась легализации Общества в 1908 году, Анна Павловна немедленно пожелала стать его членом, и А.А. предложила ей принять пост вице-председательницы Русского Теософического Общества. Хотя А.П. в это время физически настолько ослабела и отказывалась от всех публичных выступлений, на просьбу А.А. охотно согласилась, говоря, что теософия дала ей столько света, что она хочет послужить ей, насколько хватит сил.

В этот же период наших частных выступлений в 1905 году мне удалось в Москве проникнуть на спиритические собрания и познакомить спиритов с теософией. Их интерес был очень велик, но этот успех испугал Чистякова, редактора спиритического журнала «Ребус» и тогдашнего главу спиритического движения в Москве, и он закрыл для меня доступ на спиритические собрания.

За год до этого, в 1904 году, мы с А.А. поехали в Лондон на теософическую конвенцию, присутствовали на публичных выступлениях А.Безант и прослушали серию её лекций «The Science of Peace»[1], а затем отправились на первый международный конгресс в Амстердам.

Оттуда Анна Алексеевна поехала в Вельдек на курорт д-ра Рикли, где я впервые соприкоснулась с теософией. Целью её пребывания в Вельдеке было укрепить здоровье для предстоящей усиленной работы. Оттуда она приехала ко мне в Подборки и почти немедленно заболела брюшным тифом в такой тяжёлой форме, что доктора не надеялись на её выздоровление. И я была уверена, что она не переживёт этой болезни и в день кризиса увидела тень смерти на её лице. Но ночью что-то совершилось, и утром я увидела совсем другое лицо. Она узнала меня, улыбнулась и просила дать ей поесть. Я была неотлучно около неё, как и приехавшая Ц.Л. Гельмбольдт, и записала её бред, так как он символически передаёт самую суть её души. Она всё время воображала, что едет с А. Безант в Индию, и часто посылала меня в её каюту с поручениями, требовала бумагу и перо, и лёжа писала ей письма непонятными иероглифами. В бреду она видела молодого католического монаха или священника в лесу у источника прозрачного ручья, который он всё время прикрывал сосновыми ветками; в руках у него была чаша, он её наполнял из источника и относил проходящим и проезжавшим мимо леса, и они жадно пили свежую воду. В это время священник молился, и она чувствовала, что он — это она, что её душа сливается с его душой, и она вспоминает себя в нём в какой-то иной, далёкой жизни. Это видение возвращалось к ней снова и снова.

Другое видение она по моей просьбе записала, когда пришла в сознание. «Опять горный прозрачный ручей, над ним мраморная статуя в наклонённой позе с кувшином, полным воды. Вода льётся через край и к статуе подходят люди и пьют. Я смотрю на неё и сливаюсь с ней, я знаю, что она — это я, что *такой* я должна быть, я чувствую себя странно скованной, и в то же время стрелы пронизывают моё сердце. Слышу тихий голос над собой: „Mater dolorosa“, и я знаю, что не должна шевелиться, должна держать сосуд с водой, хотя стрелы попадают в моё сердце, и из него струится кровь. Беспредельная нежность наполняет меня, скорбь и радость сливаются в одно.»

Весь этот год она была очень слаба, но уже в следующем, 1905 году, она смогла поехать на второй международный конгресс в Лондоне, куда я не имела возможности сопутствовать ей.

Результатом нашей негласной подготовительной работы и наших выступлений в частных домах следует считать тот факт, что когда нам в 1906 году удалось издать «Свет на Пути» с приложением статьи о карме, издание это было немедленно перепечатано «Посредником», самой популярной издательской фирмой того времени. Это доказывает, что интерес к теософии среди интеллигентного русского общества был уже пробуждён с первых дней нашей негласной подготовительной работы.

К числу такой работы следует отнести и наши летние съезды в Подборках, родовой усадьбе Писаревых. Вначале мы делали эту подготовительную работу вдвоём с А.А. во время её летних каникул, а затем к нам стали присоединяться наиболее серьёзно заинтересованные учениями теософии, а позднее, после легализации, и все представители возникавших в различных городах отделов.

На этих съездах следует остановиться подробно, потому что в них заключается главный ключ к особенностям русского теософического движения. Можно эти особенности выразить так: Анна Алексеевна начала свою творческую работу не с периферии, а из центра, из сердца теософической организации. Все стоявшие во главе отделов понимали оккультную основу теософических учений и знали, что лучшая пропаганда теософии состоит в том, чтобы вносить её дух в жизнь. Они подавали живой пример своим сотрудникам и членам своего отде-

1 Наука мира.

ла, благодаря чему наша работа с самого начала проявляла такой одухотворённый характер.

На первом съезде в Подборках Анна Алексеевна предложила свой план общей работы. Этот план соединял свободу и самодеятельность отдельных членов с дружной, гармонически настроенной, совместной работой. А.А. была против всякого давления сверху, против доктринёрства и не решала ни одного вопроса единолично.

Позднее, когда возникла работа в петербургском центре, все вопросы обсуждались и решались Советом, а литературная часть составлялась Редакционным Комитетом, который собирался два раза в месяц и совместно с А.А разрешал все вопросы, касающиеся «Вестника», выбора материала и подбора новых изданий.

Летом, на время Подборских съездов, все стоявшие во главе отделов приезжали к нам из Киева, Ростова, Харькова, Ялты, Полтавы, Петербурга, Москвы и Калуги, и мы под председательством А.А. вырабатывали совместно план общей работы на следующий год.

Эта общая работа руководителей отделов оказалась очень плодотворной: с одной стороны, все проблемы — педагогические, социальные и этические, — мы старались разрабатывать в духе теософии, освещать их её светом; а с другой стороны, каждый представитель отделов вносил в наше совещание нечто своё, оригинальное, свои особенности в постановке методов работы. Это общение главных, тесно сплочённых работников обогащало общее дело, давало ему вдохновение, и в то же время внутренне объединяло все возникавшие отделы, придавало общей работе дружный и согласованный характер. Неугасимый энтузиазм А.А. зажигал и нас.

Для подобного углублённого общения выбор места — Подборская усадьба — представлял идеальные условия. Большой дом, построенный в начале прошлого [XIX] столетия дедом моего мужа, с высокими, светлыми комнатами, стоял совершенно особняком от всякого другого жилья — деревня была расположена в стороне. Западным фасадом дом выходил в сад со столетними деревьями, а восточный был обращён на луга, заканчивающиеся красивым лесом, принадлежащим нашему имению, за которым протекала быстрая река Жиздра. По ту сторону реки виднелись опять луга, а весь горизонт окаймлялся казёнными сосновыми лесами, тянувшимися без перерыва на многие сотни вёрст. Прибавлю к этому, что я застала в Подборской усадьбе несколько старинных слуг, помнивших ещё крепостной быт, и они рассказывали мне, что Подборский дом был всегда «весёлый дом, что в нём всем слугам жилось хорошо, господа были добрые и справедливые и никого не обижали». Этим можно объяснить светлую атмосферу дома.

Поблизости от усадьбы было три монастыря, один из которых, Оптина Пустынь, славился на всю Россию своими старцами (один из этих старцев, Мивросий, под именем Зосимы был описан Достоевским в его романе «Братья Карамазовы»). В этот монастырь вела широкая грунтовая дорога, обсаженная столетними берёзами, по которой — в перерыв сельских работ — мимо Подборок шли паломники, направлявшиеся в Оптину Пустынь. Ближайшая железнодорожная станция была от Подборок в 18 верстах; на большое пространство усадьбу окружали поля, луга и чудная тишина незатоптанной природы.

Дни на этих наших летних съездах распределялись так: начиналась наша работа с молитвы Господней, положенной на музыку А.В. Унковской и пропетой хором или Софией Николаевной Толстой, обладавшей чудесным мягким голосом.

Затем всё утро до обеда длилась общая работа, во время которой разрешались различные вопросы тактики, организации и наилучших методов распространения теософии. После обеда — общая прогулка через луга в наш лес и на берег реки, а к концу дня, после ужина, всегда вечер кончался концертом (среди собравшихся оказались музыкальные таланты), после которого мы расходились молча в счастливом и просветлённом настроении.

На позднейших съездах принимали участие не одни представители отделов, но также и другие члены, однако характер собраний продолжал быть таким же, выдержанным в том же духе. Собрания эти сближали всех главных работников, давали им новое вдохновение и поддерживали энтузиазм, которым А.А. заражала всех своих сотрудников.

До объявления войны эти собрания происходили через год — когда не было европейского теософического конгресса, а во время и после войны они повторялись каждое лето, вплоть до Октябрьской революции, которая уничтожила вместе с другими и Подборскую усадьбу.

В нижнем этаже дома мы отделили угловую комнату, нежилую с давних пор, для нашей углублённой работы, куда никто не входил, кроме участников этой работы. Под конец вибрации в этом нашем святилище стали до того сильны, что на одном из последних собраний мне удалось наблюдать явление, которое с точки зрения материалистов следовало бы назвать чудом. На груди у А.А., которая вела собрание, был приколот закрытый бутон белого пиона. В течение 40–50 минут, пока длилось собрание, бутон на моих глазах начал раскрываться, и когда мы выходили из комнаты, на её груди был раскрывшийся цветок. Я тогда же проверила время его собственного раскрытия — я выбрала с того же куста такой же закрытый бутон и наблюдала за ним. Он сравнялся по размеру с тем цветком, который был на груди А.А., только через 24 часа.

Уже здесь, на чужбине, мы узнали, что Подборского дома больше не существует. Он был разобран на кирпичи.

В связи с нашей работой в Подборках вспоминаются два эпизода, которые рисуют наши отношения с подборскими крестьянами.

На пятом Подборском съезде, в 1915 году, мы сделали интересный опыт: устроили концерт для крестьян. Было решено сделать его платным в пользу лазарета для раненых, который был устроен в «Народном доме» в Подборках. При этом возникло два сомнения: пойдут ли крестьяне на платный концерт и поймут ли они ту музыку, которую мы им дадим.

Оба сомнения оказались напрасными. Большая зала Подборского дома была совсем полна, и слушали крестьяне нашу музыку с таким вниманием и одушевлением, которые превзошли все наши ожидания. Этот опыт показал, какое огромное значение имеет настроение исполнителей концерта; мы готовились к нему долго и серьёзно, обдумывая каждую подробность, подготовляя атмосферу концертного зала и внутренне настраивая себя. Что касается выбора вещей, то совсем не надо приспособляться к вкусам крестьян, нужно давать им ту же музыку, которая радует и поднимает настроение и у нас; но не иначе, как в очень хорошем исполнении, вступив предварительно во внутренний контакт со слушателями.

Ввиду этого мы начали наш концерт с краткого объяснения того, что музыка даёт душе человека, и перед каждой новой вещью говорили о том, что она выражает. Особенный восторг вызвали прелестные вещицы Унковской, отражающие явления природы — «Ветер» и «Птички». Когда исполняли «Ветер», кто-то из крестьян не выдержал и крикнул: «У...у...у...у... — как гудит!» А когда очередь дошла до «Птичек», один пожилой мужичок даже вскочил с места, восторженно вскрикнув: «Птички! Взаправду птички!».

И ещё раз мы имели возможность убедиться, как сильно действует на крестьян художественно и вдохновенно исполненная музыка.

Это случилось в 1917 году, во время первого этапа революции. Нам хотелось помочь крестьянам разобраться в различных политических партиях, и мы пригласили

желающих прийти к нам на беседу. Поставили наскоро сколоченные скамьи вблизи дома под тенью старых лип, и там произошёл этот необыкновенный митинг.

Крестьяне в то время были настроены вполне миролюбиво и были далеки от всякой классовой ненависти; они интересовались исключительно земельным вопросом: будут ли расширены их права на землю.

Когда наш митинг под липами подходил к концу, двое из участвующих, А.В. Унковская и В.Н. Пушкина, шепнули, что они хотят сыграть для крестьян; и когда наши гости решили расходиться, мы их задержали под открытыми окнами дома, откуда понеслись прекрасные звуки серенады Брага и арии Баха. Они стояли под окнами безмолвной толпой и, уходя, горячо поблагодарили нас, а один из них произнёс слова, которые я не могу забыть: «спасибо вам, что вы душу нашу осветили».

Возвращаюсь к описанию событий в хронологическом порядке. В конце 1906 года мой муж Н.В. Писарев, вступивший в Теософическое Общество, основал в Калуге издательскую фирму «Лотос» и начал печатать русскую теософическую литературу. Первой книгой, которую он издал, была «Сокровенная религиозная философия Индии» брамана Чаттерджи. Издательство «Лотос» развивалось с большим успехом. Мой муж вложил свои средства, свой труд и свою любовь в это дело. Он вступил в сношения с главными книжными магазинами больших городов, назначив для большего распространения низкие цены на книги, и вскоре начал получать отовсюду заказы на теософическую литературу. До Октябрьской революции фирма «Лотос» выпустила 21 издание, но потом весь склад наших книг был конфискован.

В следующем 1907 году мы с Анной Алексеевной и группой русских теософов отправились на четвёртый теософический европейский конгресс в Мюнхене. Этот конгресс оставил у нас самое тяжёлое впечатление. Вся Немецкая Секция с д-ром Штайнером во главе совершенно изменила своё отношение к А. Безант. М. Сиверс, а за ней и все остальные сделались фанатическими поклонниками доктора и считали, что *он* должен стать во главе всего теософического движения, устранив Анни Безант. Со мной, остававшейся верной Анни Безант, они резко порвали все дружеские отношения.

В том же 1907 году А.А. решила издавать свой собственный теософический журнал «Вестник Теософии». Решение это было вызвано тем, что совершенно неизвестное нам лицо начало издавать журнал под названием «Теософическое обозрение». А.А. отправилась к нему и убедилась, что издатель этого журнала не имеет никакого отношения к Теософическому Обществу и задумал издавать его в виду возникшего в обществе интереса к теософии. Решение Анны Алексеевны было очень смелое, так как денег на издание у нас не было, а материала накопилось столько, что мы решили издавать его в размере адьярского «Теософиста». На первый номер удалось собрать денег между собой, и тогда нам очень помог бывший спирит К.Д. Кудрявцев, вступивший в Теософическое Общество (впоследствии он вышел из Общества и кончил свою жизнь печально: был расстрелян). Он заведовал Петербургской Городской Типографией и снабжал нас на выгодных условиях в рассрочку бумагой. Все сотрудники были даровые, и каждый раз, когда бывали денежные затруднения, откуда-нибудь появлялась помощь, и наш «Вестник» благополучно просуществовал больше десяти лет.

Этот 1907 год вообще был полон событий для теософического движения. Оно уже настолько разрослось, что необходимо было думать о его легализации. С этой целью Анна Алексеевна решила собрать съезды в наиболее значительных центрах России — в Петербурге, Москве и Киеве. Первый съезд был назначен в Москве.

Работа в России представляла трудности, неизвестные на Западе. Очень трудно было добиться легализации, и хотя Победоносцев умер, и революционное движение 1905 года вызвало некоторые перемены и льготы, всё же правительство косо смотрело на все общественные и частные инициативы, идущие не сверху. Это было одно из препятствий, с которым А.А. пришлось бороться. Но и в самом интеллигентном обществе были психологические течения, представлявшие большие затруднения для организованной теософической работы.

Так в Москве, среди того кружка, где я делала доклады о Теософии, в салоне Нины Вал. Пшенецкой (одной из первых русских теософок, вступивших в члены во Французскую Секцию, и к которой полк. Олькотт относился с большим дружелюбием) были очень ценные члены: один — поэт, другой — будущий писатель, Андрей Белый, ясновидящая Минцлова, имевшая большое влияние на молодёжь, учёный лингвист Батюшков, член Французской Теософической Секции. Но все они были очень трудные для совместной работы.

Благодаря этому московский съезд оказался для нас, вместо ожидаемой помощи, неожиданным препятствием. А.А. пришлось сильно бороться с анархическими тенденциями москвичей. Они были против *всякой* организации, требовали одинакового голоса для всех и «соборного» решения всех вопросов. Между другими нападками они упрекали А.А., что она решила издавать «Вестник Теософии», не запросив их согласия и всех примкнувших к теософии на территории всей России. Среди анархически настроенных были столь властолюбивые голоса, что они смутили даже некоторых из ближайших помощников А.А., и вместо спокойного обсуждения главного вопроса — организации Русского Теософического Общества, — оказались настоящей битвой и распадением на два лагеря. Только огромное самообладание и большой такт А.А. взяли верх, и бушующие элементы успокоились. Чтобы их удовлетворить, была принята довольно странная формула, предложенная ими: «объединиться вокруг „Вестника Теософии“. Когда же кем-то было сделано резонное возражение, что объединиться вокруг неодушевлённого предмета не имеет ясного смысла, тогда москвичи изменили формулу так: «объединиться вокруг „Вестника Теософии“ и А.А. Каменской». Эта формула была всеми принята. А.А. одержала победу, но это стоило ей дорого: она заболела и весь следующий день пролежала с жестокой мигренью.

Второй организационный съезд прошёл в Киеве под председательством Н.В. Писарева. Здесь А.А. встретила новое препятствие в форме православного фанатизма, но и там ей удалось убедить и успокоить всех и восстановить нужную гармонию. В результате киевский съезд единогласно заявил о необходимости легализации и просил А.А. устроить 3-й съезд и войти сношение с властями.

В самом Петербурге, в центре движения, работа шла успешно и гармонично, и на третьем петербургском организационном съезде не было никаких трений. Было выражено общее желание немедленно добиваться легализации, и генеральным секретарём Российского Теософического Общества была единогласно выбрана А.А. Каменская.

Вслед за этими решающими съездами, в том же 1907 году осенью, А.А. подала прошение о легализации Российского Теософического Общества. Она воспользовалась временно наступившим новым веянием, когда вслед за неудачной японской войной была свыше объявлена «Свобода слова, вероисповедания, общественных собраний и союзов, не занимающихся политической деятельностью». Наше Общество оказалось первым, просившим при новом положении вещей о легализации. Представители Теософического Общества, в лице председательницы А.А. Каменской и секретаря Д.К. Кудрявцева, были призваны в Градоначальство, где заседала комиссия, рассматривавшая прошения и проекты уста-

вов. Заседание происходило под председательством самого градоначальника, генерал-майора Клейгельса.

Анне Алексеевне был поставлен ряд вопросов о целях Российского Теософического Общества, устав же его был подвергнут жёсткой критике. Особенно яростно нападали члены комиссии на слово в первом параграфе устава: «образовать ядро всемирного братства» и спрашивали, что мы подразумеваем под словом «ядро». Было очевидно, что это слово очень беспокоило начальство, и А.А. предложила заменить его словом «союз». Эта замена внесла успокоение и «союз» был принят. Другой параграф, вызвавший подозрение, касался созыва на годовые собрания делегатов от всех отделов Теософического Общества. Слово «делегаты» было не в фаворе, так как оно соединялось с представлениями о республиканском строе; после долгих прений А.А. предложила заменить его более невинным — «представителей отделов».

А.А. и Кудрявцев думали уже, что наше дело выиграно, но градоначальник неожиданно и очень строго поставил новый вопрос: «Почему же вы именно теперь хотите открывать такое общество? Если ваши цели действительно совпадают с задачами религии, то разве недостаточно церкви для духовного руководства граждан?». Тогда А.А. произнесла горячую речь, указала на искания молодёжи, на ряд самоубийств вследствие потери веры и выразила уверенность, что с помощью теософии религия займёт не только моральную, но и научную позицию и даст возможность духовно ищущим найти поддержку и обоснование для их духовных идеалов. Эта речь увлекла комиссию, и разрешение было дано.

После легализации, состоявшейся 30 сентября 1908 года, мы назначили днём рождения Русского Теософического Общества 17 ноября и радостно и торжественно отпраздновали этот день в Петербурге в красивом помещении Женского Общества, вице-председательницей которого была А.П. Философова.

Здесь уместно упомянуть, что в число выдающихся черт организационной тактики А.А. входила большая забота в внешнем виде и красоте наших теософических собраний. Она сумела внушить нам большую любовь к общему делу, и все члены собрались участвовать в украшении нашего главного центра. Много хороших картин на стенах, много цветов и много света придавали торжественный и праздничный вид нашим собраниям. «Как у вас хорошо! Точно в храме!» — это было общее впечатление всех входивших в помещение центра. В дни революции, когда все потеряли голову и жили как бы во сне, в помещение Теософического Общества заходили не только теософы, но и посторонние люди, чтобы отдохнуть душой и успокоиться. Пробыв некоторое время, они уходили умиротворённые с новыми силами. Другой чертой её организационной практики был строгий выбор вступающих в число членов Общества. Она видела успех движения не в количестве, а в качестве вступающих. Правило принятия требовало рекомендаций от двух теософов, ответственных за свою рекомендацию. Кроме того, вступающему предлагалось нечто вроде экзамена. Ему ставились четыре вопроса: 1. Признаёт ли он братство людей? 2. Признаёт ли необходимость терпимости? 3. Что он ожидает от теософии? 4. Что он может внести в Теософическое Общество? Из этого правила не делалось никаких исключений. Когда пожелала вступить в наше Общество С.Э. Евдокимова, одна из известных grandes dames[1] и филантропок Петербурга, собравшая в своём салоне министров, депутатов и других влиятельных лиц, обладавшая большими средствами, и она была подвергнута такому же экзамену. Она смиренно подчинилась ему, а Ц.Л. Гельмбольдт, которой было получено делать эти экзамены, испытала в этом случае большое смущение, убедившись, до какой высокой степени духовного развития поднялась подвергнутая экзамену.

После легализации теософическая работа приняла такие размеры, что несмотря на исключительную работоспособность Анны Алексеевны, она не смогла бы справиться с ней, если продолжала бы свои занятия в двух гимназиях, которые отнимали у неё весь день. Узнав о том, что она работает по ночам, Анна Павловна Философова собрала некоторых петербургских членов общества и сообщила им о ночной работе председательницы. Тогда, установив размер заработка А.А. в одной из гимназий, собравшиеся члены решили вносить сообща соответствующую сумму в кассу Общества для освобождения его председательницы от непосильного труда. Благодаря этой стипендии А.А. получила возможность бóльшую часть своих сил отдавать теософической работе.

Когда мы получили возможность работать открыто, то во всех отделах начали ежемесячно устраивать открытые собрания. Во всех отделах работа происходила приблизительно по одним и тем же линиям. В еженедельных закрытых собраниях проводилось коллективное изучение теософических учений с очередными докладами сотрудников, а в открытых собраниях делались публичные лекции наиболее опытными и знающими членами; лекции эти каждый раз сопровождались обсуждениями с участием аудитории.

Как живой пример нашей работы, расскажу, как она проходила в нашем Калужском Отделе, руководить которым было поручено мне. Этот пример особенно интересен потому, что его работа происходила в таком незначительном и довольно глухом городе как Калуга (60000 жителей).

Работал Отдел в нашем городском доме, и его библиотека, открытая в определённые дни для всех интересующихся теософией, находилась там же. Открытые собрания устраивались в большом зале местного реального училища, директор которого относился очень сочувственно к нашей теософической деятельности. На этих собраниях присутствовало от 200 до 250 человек. Успех этих собраний превзошёл все наши ожидания. В состав посторонней публики (членов Т.О. было тогда 8 или 9 человек) входили люди всех сословий и направлений; приходили и позитивисты с материалистическим мировоззрением, также и церковники с намерением во время прений уличать нас — первые в ненаучности, а вторые — в ереси. Но были люди и с неразрешёнными духовными вопросами и сомнениями, искавшие помощи. Из их числа я заметила двоих, оказавшихся мужем и женой, которые не пропускали ни одного собрания и обращали на себя внимание своей сосредоточенностью и глубоким вниманием. В конце года они оба пришли ко мне и сказали: «Мы пришли поблагодарить вас и сказать вам, что вы спасли четыре человеческие жизни. Мы не понимали, зачем мы живём, какой смысл в нашем бессмысленном существовании, оно стало нам в тяжесть и мы уже решили покончить с ним вместе с нашими двумя маленькими детьми. После всего, что мы узнали благодаря вам, мы поняли, зачем нам дана жизнь, и мы будем жить, сознавая свой долг». Отец семейства, сказавший эти запомнившиеся мне слова, был из среды мелких чиновников, жена его принадлежала к той же среде, но их материальное положение было вполне удовлетворительным. Они жаловались не на нужду, а на «бессмысленность» жизни.

На этих открытых собраниях обыкновенно выступали руководители отделов, но мы старались обмениваться докладчиками; так, ко мне на помощь приезжал А. Молокин из Харькова, из Киева — Евгений Михайлович Кузьмин, большой знаток национального искусства, П.Д. Успенский, автор замечательной книги «Tertium Organum», написанной под вдохновением теософии, раз даже член Парижской теософической ложи И.С. Манциарли, прочитавшая с большим успехом лекцию о строении космоса.

1 Великосветских дам.

Кроме открытых собраний в Калужском Отделе имел большой успех семидневный курс теософических учений для интересующихся духовными вопросами. Таких интересующих оказалось так много, что мне пришлось повторить этот курс несколько раз в помещении Калужского Отдела. На первом меня слушало 7–8 человек, а на третий записалось более 40, так что пришлось думать об ином помещении.

Наиболее любимой моей работой была «Золотая Цепь». Я собирала детей в воскресные и праздничные дни и убедилась, как прекрасно может быть общение с детьми на высших планах. Русские дети — даже из некультурной среды — оказались замечательно восприимчивыми для духовного воздействия, и их родители сообщали мне своё удивление, до чего дети изменились к лучшему с тех пор, как побывали на этих собраниях. Один из мальчиков, участник Золотой Цепи, был помещён в Московский Кадетский Корпус, и оттуда присылал письма к остальным детям, начиная их так: «Дорогая Золотая Цепь». Он рассказывал в них, что старается выполнять заветы Золотой Цепи в Корпусе, и что ему удалось с несколькими товарищами устроить в своём классе отдел Золотой Цепи для охраны птиц и насекомых от жестокого обращения с ними кадетов. Этот мальчик был Володя Толстой, внук Льва Николаевича Толстого.

К моему большому горю, эта работа должна была после двух лет прекратиться. В городе о ней много говорили, слухи дошли до директора казённой гимназии, большого педанта и формалиста, и он поставил мне как условие для продолжения работы с учениками и ученицами средних школ и гимназий, чтобы я испросила разрешение у министра народного просвещения собирать у себя детей, изложив при этом суть моих занятий с ними. Вся Россия знала тогдашнего министра народного просвещения как преследователя всякой частной инициативы в педагогической области, и мне не оставалось ничего иного, как прекратить свою «Золотую Цепь».

До невольного знакомства с директором казённой гимназии нам всё же удалось благодаря сочувствию директора частного реального училища Шахмаонова вызвать интерес к теософии среди молодёжи старшего возраста. Он предоставил нам свою залу для курса этики, который прочитала А.А. для калужской молодёжи во время своих рождественских каникул, которые она обыкновенно проводила у нас в Калуге. Она никогда не пропускала случая и вне установленной программы поработать для распространения теософии, и мы старались следовать её примеру.

В остальных отделах работа шла приблизительно так же, как и в Калуге. Следует отметить особенно удачную деятельность М.Г. Фёдоровой с ростовской молодёжью, а также в более поздний период замечательный успех, с которым Софья Владимировна Герье вела свои работы в Москве с молодыми теософами по глубоко продуманному методу, приспособленному к русской психологии. В Петербурге также работа с молодёжью приняла широкий размер. Образовался «Союз воспитания нового человека», к которому примкнули учащиеся в двух гимназиях и группа студентов. Отделом молодёжи устраивались литературные вечера, диспуты и даже концерты. Всё это происходило до закрытия Теософического Общества.

В Харькове, рядом с чисто теософической работой, шли очень успешно этические курсы с молодёжью, которые вёл Алексей Георгиевич Молокин.

В Киеве ту же работу с молодёжью взял на себя Евгений Михайлович Кузьмин (знаток древнерусской старины и былин), он привлёк много молодёжи и организовал «Русский круглый стол» (организация рыцарей), а в Ростове-на-Дону М.Г. Фёдоров сделал то же самое.

Восстанавливая в памяти нашу теософическую работу в Калуге, я вспомнила один эпизод, который, хотя и не касается непосредственно истории теософического движения в России, думаю, будет интересен для русских теософов, так как показывает отношение Л.Н. Толстого к теософии.

Летом 1908 года А.А., А.В. Унковская и я были в гостях у него в Ясной Поляне (Калужская губерния соприкасается с Тульской, где и находилась усадьба Л.Н. Толстого). Лев Николаевич был в курсе нашей теософической работы и читал наш «Вестник Теософии» благодаря постоянному общению со своей невесткой С.Н. Толстой, которая одна из первых вступила в Русское Теософическое Общество и была деятельным членом Калужского Отдела. Нас связывала с ней и общая работа, и личная дружба. Она имела обыкновение отвозить в Ясную Поляну последнюю корректуру моих статей для «Вестника Теософии», которые Л.Н. читал с вниманием; на одной из них его рукой были сделаны такие пометки: «Верно», «хорошо», «очень хорошо». Из этих отметок было ясно, что он принимает всю этику теософических учений и разделяет её.

Весь день, проведённый нами в Ясной Поляне, Лев Николаевич не уходил, как обычно, к себе, и провёл его в беседе с нами, внимательно выслушивая всё, что касалось теософии. Особенно заинтересовал его мой рассказ о том, как я подошла к теософии. Я сообщила ему мою первую встречу с теософами в парке санатории Рикли, где его пациентки проводили всё утро до обеда в непосредственном соприкосновении с природой — босиком, в одних рубашках. Среди всех дам — их было около тридцати, — проводивших утренние часы в этом парке, мне бросилась в глаза небольшая группа, резко отличавшаяся от остальных. Она состояла из шести лиц, и все они относились с таким доброжелательством и вниманием к другим, в них проявлялись такие ясные признаки тонкой духовной культуры, что я решила: наверно все они принадлежат к одной и той же духовной общине. Когда же я познакомилась с ними, я узнала к моему большому удивлению, что все они из разных стран и впервые познакомились здесь, в санатории Рикли. Заметив моё удивление, одна из них — англичанка мисс Хамильтон — ответила, улыбаясь: «это сходство естественно, мы все члены Теософического Общества». Эта печать благородства на человеческой душе и была толчком, который привёл меня к теософии. Л.Н. повторял несколько раз с большим одушевлением: «Вот это я понимаю! Это — настоящее! Не одни слова, сам человек изменился — вот что главное!»

Позднее С.Н. Толстая передавала мне, что после нашего отъезда Л.Н. в течение нескольких дней повторял мой рассказ новым гостям и каждый раз кончал: «Вот что настоящее! Это — главное!».

Мы все любили его, он будил нашу совесть, а к концу жизни его интересовало только одно, и только одному он придавал значение: духовному началу в человеке и его связи с Богом. Карму и перевоплощение он признавал, но на все аргументы в пользу теософии возражал: «всё это неважно, одно только важно — любить друг друга; всё остальное придёт само собой.»

Сообщая о начале нашей узаконенной теософической деятельности, необходимо упомянуть о ближайших помощниках Анны Алексеевны, работавших с ней в Петербургском центре в качестве членов Совета, избираемых каждый три года на общем собрании Общества. Одним из самых деятельных участников этого совета был вице-председатель Р.Т.О. Павел Ильич Тимофеевский, назначенный на этот пост нашей председательницей в 1910 году, после кончины А.П. Философовой.

П.И. Тимофеевский, доктор медицины, один из первых петербургских врачей, применявших электрическое лечение в своей медицинской практике, был незаменим как представитель нашего Т.О. Молодой, энергичный представитель академической науки и при этом прекрасный оратор, он импонировал публике и умел удачно и

остроумно отпарировать нападки на теософию. Зайдя случайно на одно из наших открытых собраний, он сразу заинтересовался новым для него учением и продолжал их посещать, и хотя слушал внимательно новые для него учения, но во время прений выражался нередко скептически и по временам даже иронизировал над нашими положениями. Теософическое учение об эволюции он сразу принял, но больше всего его привлекала идея существования Старших Братьев — Учителей, и сверхчеловеческой эволюции.

Он вступил в наше Общество, и А.А. сразу отнеслась к нему с большим интересом, почувствовав всю серьёзность и глубину его духовных исканий, а когда освободился пост вице-председателя, она совершенно неожиданно для него предложила ему занять его.

Анна Алексеевна обладала драгоценным для вождя даром угадывать и безошибочно оценивать истинные свойства тех, с кем ей приходилось работать. Среди примкнувших к Теософическому Обществу были люди с блестящими дарованиями, и иногда приходилось удивляться, почему она не избирает их на ответственные посты как своих ближайших помощников. И каждый раз оказывалось, что такой выдающийся член или расходился с идеалами теософии и уходил из Общества, или даже, благодаря неудовлетворённому самолюбию, переходил в ряды его врагов.

Когда А.А. предложила Павлу Ильичу занять пост вице-председателя, он был очень поражён и стал указывать на свои недостатки. Она ответила на его сомнения, что недостатки его пройдут, а то существенное непреходящее, что она видит в нём, может принести большую пользу для дела духовного пробуждения современного общества и будет большой помощью для него.

Это «незаслуженное» доверие, как он впоследствии поведал мне, победило все его колебания и так потрясло его, что он решил «заслужить его». И он действительно заслужил, потому что как человек сильной воли сразу изменил весь строй своей жизни, стал строгим вегетарианцем и до конца оставался глубоко убеждённым, активным и преданным слугой Старших Братьев.

Членами Совета в петербургском центре были, кроме Павла Ильича, Цецилия Людвиговна Гельмбольдт, отличавшаяся неутомимой работоспособностью и исключительной преданностью к А.А., с которой у неё была давняя дружеская связь. У неё был замечательный дар в общении с людьми вызывать к себе доверие и такой заразительный юмор, который вносил живую струю в общее настроение и нередко помогал в затруднительных случаях. Несмотря на своё иностранное имя (её предки по отцу были шведы), она больше всех нас знала и любила русский народ, его язык, песни и прибаутки. Она принадлежала к группе народников и в течение трёх летних рабочих сезонов исполняла все деревенские полевые работы в колонии профессора Энгельгардта. Когда А.А., захваченная учениями теософии, вступила в Теософическое Общество и решила отдать ему все свои силы, Ц.Л. стала её преданной сотрудницей, неутомимо помогала ей во всех её начинаниях, а когда для А.А. оставаться в России стало опасно, Ц.Л. не колеблясь решила сопровождать её и делить с ней все опасности и невзгоды беженской участи.

Николай Иванович Эрасси, горный инженер, профессор Морского Корпуса. Он вносил в теософическую работу много энтузиазма и в трудные минуты зажигал остальных своим светлым оптимизмом. Во время научных работ (по съёмкам) в Псковской губернии, в эпоху революции, возможность возвращения на родину была для него отрезана. Таким образом Н.И. попал за границу, где он организовал теософические ложи в Ревеле, Берлине и Брюсселе и продолжал работать для теософии до своей кончины в Тунисе в 1930 году.

Варвара Николаевна Пушкина, всегда готовая служить Теософическому Обществу своим музыкальным талантом и преданностью на пользу Т.О.

Маргарита Алексеевна Каменская. Она первая из всех нас попала в Адьяр и была из числа преданных слуг А. Безант. Вернувшись из Адьяра в Петербург, она дала ряд публичных лекций со световыми картинами, иллюстрирующими природу, быт и храмы Индии.

После ухода д-ра Штайнера из Немецкой Теософической Секции и образования новой Немецкой Секции, верной Адьяру, Маргарита Алексеевна одно время была генеральным секретарём этой секции.

Л.П. Страсбадер. Как член Совета оказала Теософическому Обществу много услуг, и благодаря ей Общество получило право устраивать свои публичные лекции в большом зале Тенишевского Училища. А когда А.А. и Ц.Л. бежали из России, они нашли Л.П. Страсбадер в Брюсселе, и она, при участии Бельгийской Секции Т.О., во многом помогла им.

Эмма Дмитриевна Пантениус была одним из самых преданных членов Т.О. и оказала ему много полезных услуг.

В Петербурге, где под влиянием А.А. работа шла наиболее энергично, под конец образовалось семь кружков — пять русских, один французский и один немецкий. Кружок имени Е.П. Блаватской вёл П.И. Тимофеевский; кружок «Сравнительного изучения религий» вела А.А.; кружок «А. Безант» — Ц.Л. Гельмбольдт; кружок «Орфей» — Александра Васильевна Унковская; этический кружок — Анна Викторова; французский кружок «Hypatia» вела Л.П. Страсбадер, немецкий, имени «Maria Strauch» — Э.Д. Пантениус.

В остальных отделах было по два и по три кружка.

Председателями отделов были:

В **Москве**: Ю.Н. Кирпичникова, позднее княгиня С.В. Урусова, а с 1913 г. Софья Владимировна Герье.

В **Киеве**: Елизавета Вильгельмовна Родзевич, а потом Евгений Михайлович Кузьмин.

В **Харькове**: Вера Алексеевна Молокина.

В **Калуге**: Елена Фёдоровна Писарева.

В **Ялте**: С.В. Татаринова.

В **Ростове-на-Дону**: М.Г. Фёдорова.

Позже, в 1921 году, образовался Житомирский Отдел Р.Т.О., и председателем был д-р Виктор Викторович Гинце.[1]

Прежде чем переходить к внешним событиям и к испытаниям, через которые пришлось пройти новорождённому Русскому Теософическому Обществу, расскажу сразу о последних трёх (перед войной) европейских теософических конгрессах, в которых участвовали представители Русской Секции.

В 1909 году группа русских теософов с А.А. во главе отправилась на Пятый Международный Конгресс в Будапеште. Мы проезжали через Варшаву, и здесь произошло событие, глубоко порадовавшее нас. Варшава вызывала всегда мучительные переживания для русской души. Жестокие репрессии русского правительства, за которые русский народ не может отвечать, — а его интеллигенция, сочувствовавшая полякам, была в них совершенно неповинна — вызывали в польской интеллигенции ненависть ко всем русским, и эту ненависть мы болезненно чувствовали каждый раз, проезжая через Варшаву.

В Варшаве ещё не было настоящего теософического движения, но возник уже интерес к теософии, и нас ожидала на этот раз дружественная встреча и приглашение остановиться у художника Стабровского, бывшего тогда директором местной Академии Художеств. Нас пригласили сделать доклады по теософии в нескольких частных салонах, и мы почувствовали, что теософия оказа-

1 Подробности об этом отделе помещены в журнале «Alba» № 3 и 4. — *Прим. Н. Рейнке.*
С 1920 по 1922 г. работало Теософическое Общество во Владивостоке. Его секретарём был Е.Ф. Масленников. — *Прим. ред.*

лась той связующей силой, которая разбила лёд и сделала вчерашних врагов нашими друзьями. Нас провожала на варшавский вокзал толпа друзей с цветами и сердечными пожеланиями новых встреч. С нами поехал на конгресс известный польский поэт и романист Тадеуш Мицинский. За время конгресса он так подружился с нами, что впоследствии приезжал из Варшавы в наш город Калугу, чтобы повидаться со скрипачкой А.В. Унковской и со мной. К сожалению, он погиб в 1918 году в Москве во время уличной стрельбы.

В конце Будапештского конгресса А.А. организовала братское общение бывших на конгрессе славян. Мы собрались на дунайском острове Margareten Insel[1] в числе 14 человек, из которых несколько болгар с Никовым во главе и два представителя Сербии и Польши. Время проходило в дружеской беседе о единении славян на почве теософии, помимо всех исторических и политических средостений, и мы решили возобновлять подобные дружеские собрания на всех последующих конгрессах.

С конгресса я возвращалась в Россию вместе с А.В. Унковской морем. На пароходе, во время плавания, нам удалось вызвать среди его пассажиров большой интерес к теософии. В Триесте мы попали на роскошный пароход «Triestiner Lloyd», где нам пришлось наблюдать, как богатая путешествующая публика проводит свой досуг. Бо́льшая часть дня была занята едой; в промежутках, на палубе первого класса, можно было видеть скучающие фигуры, лежащие в раскидных креслах и лениво перебрасывающиеся незначительными фразами. В конце этого дня, когда мы остались одни в нашей каюте, перед нами возник вопрос: имеем ли мы, как теософы, право пассивно участвовать в таком времяпрепровождении? И решили, что не имеем. На следующее утро во время первого завтрака в общей столовой я предложила собравшимся вопрос: нет ли среди пассажиров пианиста, который пожелал бы аккомпанировать скрипачке, едущей с нами на пароходе. Когда одна из пассажирок предложила свои услуги, я попросила желающих послушать концерт собраться в салоне за час до завтрака. Все заинтересовались, оживились, и в назначенный час салон был полон, и даже публика второго класса собралась поближе к его окнам. Концерт вышел на славу. Когда я приотворила дверь на широкую лестницу, ведущую в отделение первого класса, я увидела — совсем как на картинке в сказке «Спящая царевна» — остановившихся на её ступеньках людей, захваченных врасплох доносившейся сверху чудесной музыкой. Они стояли неподвижно, словно заколдованные. А.В. Унковская умела извлекать из своей маленькой скрипки Гварнери такие нежные, одухотворённые звуки, которые многие сравнивали с пением ангелов.

В остальное время, пока мы ехали вместе, пассажиры стали неузнаваемы; оживились и забрасывали нас вопросами. Пришлось прочитать целую лекцию о невидимых мирах, карме и перевоплощении, и кончились наши оживлённые беседы с пассажирами тем, что один из них, молодой журналист (турок), стал перед А.В. Унковской на колени, умоляя её дать ему для его журнальной статьи резюме её цветозвуковой методы, её фотографию и главные сведения о её жизни.

Высадившись в Афинах, мы посетили Элевсис. Я в это время переводила книгу Шюре «Великие посвящённые», и хотелось воочию увидеть остатки элевсинских храмов. Пробыв затем короткое время в Константинополе[2], мы вернулись на родину через Одессу. Я взяла это направление, чтобы познакомиться с жившими в Одессе племянницами Е.П. Блаватской, надеясь получить от них нужные для меня сведения для её биографии. Я не знала их лично, но получила от них письмо, в котором они горячо поблагодарили меня за предисловие к переводу «Голоса Безмолвия», изданного моим мужем. Они трогательно описывали свою радость и своё волнение, когда читали это предисловие, как они плакали над ним, радуясь, что наконец появилось в русской печати дружеское слово в защиту доброго имени их любимой тёти, так бессовестно оклеветанной в книге Всеволода Соловьёва «Современная жрица Изиды». Они подарили мне целое сокровище, состоявшее из писем Елены Петровны, снимков и портретов, чрезвычайно ценных для Теософического Общества. Я отдала их в петербургский центр, где из них был составлен целый большой альбом. Впоследствии он был конфискован вместе с другим имуществом Теософического Общества. Вернуть его нет никакой надежды.

Чтобы не возвращаться больше к описанию международных теософических конгрессов, расскажу вне хронологического порядка и о двух европейских конгрессах, состоявшихся в 1911 году в Генуе и в 1913 году в Стокгольме.

Участие русской группы в 1911 году в европейском конгрессе в Генуе оказалось очень удачным и вывело генерального секретаря проф. Пенцига из крайне затруднительного положения. Профессор Пенциг получил слишком поздно телеграммы президента Анни Безант о том, чтобы конгресс состоялся без неё. Ближайшим членам профессору удалось сообщить об отмене конгресса, но из других стран и из далёких концов Италии собралось уже около ста человек. Увидав его огорчение и смятение всех собравшихся, Анна Алексеевна предложила проф. Пенцигу использовать эти дни, чтобы устроить для съехавшихся ряд бесед и концертов. Последнее было вполне возможно, так как среди собравшихся русских были и пианистка, и скрипачка Унковская, а также были и красивые голоса.

Проф. Пенциг был очень обрадован, услыхав такое предложение. Эта импровизированная теософическая работа происходила в залах университета, расположенного на холме и окружённого чудным ботаническим садом. Помещение университета было отдано на время конгресса в полное распоряжение теософов. Проф. Пенциг просил А.А. взять на себя инициативу и вести собрания съехавшихся. На другой день, созвав всех приезжих и прочитав им телеграмму президента, он предложил использовать эти дни для теософической работы и предложил избрать председательницей конгресса А.А. Каменскую, которая и была единогласно избрана.

Открыв собрание, она предложила программу трёхдневной совместной работы.

Каждое утро под председательством А.А. от 10 до 12.30 ч. проходили собрания, состоявшие из докладов и лекций на теософические темы. Видную роль занимал доклад А.В. Унковской, излагавшей совершенно новую постановку музыкального преподавания на основе цветозвуков. Свою методу она сопровождала музыкальными иллюстрациями. Завершались эти собрания кратким концертом и Молитвой Господней, композиции Унковской, пропетой русским хором.

После обеда теософы собирались на даче у г-на Кирби, где в дружеском общении шла оживлённая беседа на теософические темы.

В последний день вечером проф. Пенциг устроил красиво иллюминированную прощальную «garden-party» в ботаническом саду, с террасы которого раскрывался чудный вид на море. Этот неожиданный успех прекрасно удавшегося теософического съезда сблизил итальянскую и русскую секции. Проф. Пенциг горячо благодарил А.А. и всю русскую группу за оказанную ему помощь. На этом же съезде присутствовала Софья Владимировна Герье, бывшая в то время студенткой Генуэзского Университета, которой впоследствии было суждено сыграть выдающуюся роль в русском теософическом движении. По возвращении на родину она была поставлена во главе Московского Отдела, который она вела с большим успехом до закрытия Общества.

1 Остров Маргариты (*нем.*)
2 Ныне Стамбул. — *Прим. ред.*

На четвёртый день перед отъездом русская группа устроила — как и в Будапеште — день славянского объединения.

В окрестностях Генуи, в очаровательном парке, состоялось славянское собрание, закончившееся прекрасным обедом, который был устроен для нас нашим великодушным членом С.Э. Евдокимовой. Собравшиеся долго наслаждались красотой знаменитого парка Палавичини, сближаясь в дружеской беседе со славянами. На этом заключительном празднике было 19 человек, из которых 14 русских, остальные поляки, болгары и одна сербка.

Генуэзский съезд оставил яркую и интересную страницу в истории русского теософического движения, так как фактически его вела А.А. (наш генеральный секретарь) с помощью русской группы.

В последний день Генуэзского конгресса приехал ветеран германских теософов Хюббе-Шляйден, который был много лет преданным работником Теософического Общества, но устранился от участия в Немецкой Секции, не желая примыкать к течению, созданному д-ром Штайнером. Здесь кстати следует упомянуть, что отмена Генуэзского конгресса помешала доктору выполнить своё намерение. Он хотел воспользоваться этим конгрессом, чтобы заявить о своём выходе, вместе с большей частью немецких теософов, из Международного Теософического Общества и этим заявлением произвести мировой скандал. Отмена официального конгресса помешала выполнить его намерение.[1]

Подробности последнего Стокгольмского конгресса, состоявшегося в 1913 г., остались особенно яркими в моей памяти — может быть потому, что для нас, русских, этот конгресс был очень значителен. Мы образовали на нём целую колонию в 65 человек, и переживали незабываемые впечатления. Всё время стояла прекрасная погода, северная природа с её шхерами и островами представляла совершенно новое окружение для нашей теософической работы, а более близкое знакомство с нашими соседями шведами, с их национальной культурой и психологией, которая сильно отличается от западноевропейской, придавало особый интерес этому конгрессу.

В нашем общении со шведами мы встретили столько внимания и сердечного радушия, такое утончённое гостеприимство, соединённое с непосредственностью и большой простотой, какие нельзя встретить в лихорадочно живущих западноевропейских центрах.

Само прибытие в Стокгольм, когда мы спустились с парохода на его красивую тихую набережную, напоминало скорее толпу паломников или переселенцев, чем группу конгрессистов. Милейший г-н Хиплинг, член комитета по устройству приезжих на конгресс, которому была поручена забота о русской колонии, встретил нас так, как встречают старых друзей, затем немедленно побежал выручать из таможни картины художника Стабровского, который приехал вместе с нами. В таможне его задержали так долго, что нам пришлось просидеть на набережной, на наших чемоданах и саквояжах, от 9 утра до 12 часов дня. Сначала ожидание было очень весёлое, нас забавляло наше неожиданное приключение; мы были совершенно одни на набережной, любовались ярко освещённой красотой северной природы, но к полудню нас одолел такой голод, что мы буквально набросились на оставшиеся у двух мудрых членов запасы провизии — крутые яйца и огурцы.

В 12 часов появился наконец наш вожатый г-н Хиплинг, в сопровождении необыкновенно громадной лошади, запряжённой в такую же огромную платформу, на которую поместились все наши чемоданы, и мы — большой толпой — двинулись вслед за Хиплингом, который непременно хотел показать нам сперва помещение Теософического Общества, и только затем повёл нас к трамваю, который должен был доставить нас в Стокзунд.

Анна Алексеевна заранее списалась с комитетом, и нам отвели в окрестностях Стокгольма несколько смежных дачных вилл с удобным трамвайным сообщением. Когда мы приехали в Стокзунд, солнце ярко светило, местоположение было очаровательное на высоком холме с прекрасным видом. Мы приехали за два дня до открытия конгресса, и благодаря распорядительности нашего милого вице-председателя доктора Тимофеевского, который взял на себя все хлопоты по нашему размещению, всё наше устройство прошло в полном спокойствии и порядке. Все главные работники (около 30 человек) поместились в большом доме на вилле Берг, остальные была распределены в маленьких соседних виллах. На другой день приехала из Лондона миссис Безант и вместе с ней Анна Алексеевна и скрипачка Унковская, принимавшие участие на английской конвенции. Вся русская колония встречала президента с букетами цветов, а В.В. Погосская произнесла краткую приветственную речь. Наша встреча состоялась отдельно от остальных секций, и огромная русская толпа должна была произвести сильное впечатление на нашего дорогого президента.

Хотя мы жили вне Стокгольма, но благодаря удобному сообщению могли принимать участие в программе конгресса, не пропуская ничего важного, и в то же время жить в уединённом месте, переживая в спокойной тишине среди чудной природы всё то невидимое духовное, что происходило во время собраний конгресса.

Первый день, 1 июня, прошёл как обычно на теософических конгрессах, с той разницей, что на приёме Анни Безант — вместе с приветом — раздавали каждому приходившему к ней по цветку. В тот же вечер она произнесла чудесную речь о мистериях.

На второй день было торжественное открытие конгресса в прекрасном актовом зале Королевской Музыкальной Академии. Могучий мужской хор приветствовал собравшихся духовной кантатой. После обеда была два доклада, один из них А.А. «Миссия красоты в свете теософии», а вечером состоялась публичная лекция президента «Спасители мира».

Следует отметить, что в этот же день, на деловом заседании, было решено собирать международные теософические конгрессы не через год, а через два года, и посылать приглашения как д-ру Штайнеру, так и г-же Тингли.[2]

Стокгольмский конгресс оказался интересным во всех отношениях; не говоря уже о трёх публичных лекциях Анни Безант («Спасители мира», «Исторический Христос» и «Христос в человеке») и о докладе А.А. («Миссия красоты в свете теософии»), были интересные доклады о «Шведской мистике», о «Теософической работе в тюрьмах» В.Н. Пушкиной; исключительно интересный доклад сделала г-жа Руссак «О целении и целителях». Кроме того были доклады г-жи Блит «О звёздных символах», лекция А.В. Унковской «О цвето-звуках» и доклад Пека Эрваст «О дэвах», который к сожалению

---

1 *Примечание*. В Германии, ещё в начале девятисотых годов, генеральный секретарь Немецкой Секции враждебно высказывался против Анни Безант и Международного Теософического Общества. В 1913 году он «отказался признавать членов и ложи, не работающие по его методам, которые он считал лучшими для Немецкой Секции. Вместе с Советом Немецкой Секции он исключил из национального Общества членов, принадлежавших к Ордену Звезды на Востоке. Такое исключение не имело законной силы, так как никто из членов не может быть исключён за свои взгляды. Поэтому Анни Безант, как президент и по просьбе Генерального Совета, нашла, что у неё нет другого выбора, как аннулировать хартию секции. Затем она восстановила семнадцать лож, желавших работать согласно уставу Теософического Общества с д-ром Хюббе-Шляйденом как генеральным секретарём Немецкой Секции.» («Краткая история Теософического Общества», составленная Джозефин Рэнсом / Josephine Ransom, «A short history of the Theosophical Society», с. 397). — *Прим. Н. Рейнке*.

2 Кэтрин Тингли — в 1897–1929 г. президент Теософического Общества с штаб-квартирой в Пасадине (США, штат Калифорния), в 1896 г. отколовшегося от международного Т.О. — *Прим. ред.*

для нас был недоступен, так как был сделан на финском языке.

Наша русская группа внесла много оживления в этот конгресс. Заметив среди собравшихся, особенно шведов, интерес к русской музыке, Анна Алексеевна немедленно организовала русские концерты, которые и повторялись ежедневно с 4 до 6 часов вечера в Hotel Royal, где происходили теософические собрания. Кроме исполнения русской музыки на рояле, были исполнены скрипичные вещи, а также вокальные номера и хоровое пение. Львова демонстрировала свои композиции, из которых особенно понравилась переложенная ею на музыку Бхагавад-гита.

Из поездок, организованных комитетом для ознакомления со Швецией, мне особенно понравилась в Skanzen музей. Это что-то вроде постоянной этнографической выставки, оригинальная попытка дать модели национальных произведений свой страны, разбросанных среди деревьев большого парка. Там были и постройки различных веков, и особый вид скандинавских мельниц, и земледельческие орудия — всего не припомню. В этой поездке участвовала и Анни Безант, долго смотревшая на устроенные в её честь на большой деревянной эстраде национальные танцы. Её присутствие вызвало большое одушевление и в танцорах, и в зрителях. После танцев ей и всем нам предложили национальное угощение в деревянном доме-модели, необыкновенно живописном благодаря земляной крыше, покрытой естественно выросшими полевыми цветами.

4 июля вечером, после последней публичной лекции «Христос в человеке», состоялись проводы президента. Русская группа поднесла ей на дорогу корзину с фруктами.

После её отъезда мы оставались ещё три дня. 5 июля мы пригласили всех наших шведских друзей на русскую чашку чая в Hotel Royal. А.А. организовала этот наш праздник чрезвычайно удачно. Всех входивших мы встречали с приветом, вручая каждому по полевому цветку, и вся атмосфера, дружеская и одухотворённая, придавала необыкновенную прелесть нашему общению. Веджвуд (впоследствии епископ Свободно-Католической Церкви), тогда ещё молодой член Английской Секции Т.О., сказал, обращаясь ко мне: «Как вы русские умеете располагать к себе и открывать души других! Мне в первый раз совестно за нас, англичан — мы этого не умеем».

Среди присутствовавших был молодой художник де Бильд; он произнёс вдохновенную речь в которой говорил, что на этом конгрессе перед ними шведами раскрылась русская душа — «Vous connaitre, c'est — vous aimer!»[1] — воскликнул он, широко раскрыв объятия; произошла неожиданная забавная и вместе с тем трогательная сцена: де Бильд, высокий и стройный, стоял с протянутыми руками, а А.В. Унковская, маленькая и кругленькая, бросилась в его объятия, и все присутствовавшие, глядя на них, выразили свой восторг рукоплесканиями. В этот же день в 2 часа было закрытие конгресса, сопровождавшееся хоровым пением той же торжественной кантаты.

После отъезда Анни Безант комитет конгресса просил вести собрания нашу председательницу А.А. Каменскую.

6 июля А.А. собрала всех русских для беседы о пережитых впечатлениях. На этом конгрессе было пережито много глубокого и знаменательного, но были и забавные инциденты. Г-н Хиплинг, которому была поручена забота о русских, выполнял свою роль с трогательным усердием. Каждый день рано утром начинал звонить телефонный звонок, призывавший Ц.Л. Гельмбольдт, которая представляла собой нашего «старосту», раздавался его озабоченный голос: «Wie geht's?»[2] и затем ряд вопросов о здоровье её, А.А. и всех остальных, хорошо ли нам, и т.д. В последний день он пришёл, чтобы лично убедиться, всё ли у нас благополучно, и увидав Ц.Л., так расчувствовался, что пытался заключить её в свои объятия. Ц.Л., не ожидавшая такого порыва, смутилась и, отстраняясь от него, проговорила: «Aber.... Herr Stokholm!»[3] Думаю, что он, превратившись в «Stokholm», смутился не менее её.

7 июля мы расстались с гостеприимным Стокгольмом, и шведы, желая ещё раз выразить свои дружеские чувства к русской группе, устроили для нас прощальный завтрак на крыше «Opera Terrase».

Самое глубокое и значительное, что мы пережили во время конгресса, произошло 4 июля на утреннем собрании старших работников, происходившем на вилле Берг. А.А. организовала нашу жизнь на этой вилле таким образом, чтобы могла создаться атмосфера глубокого духовного настроения. Мы собирались каждое утро на общую медитацию, избегали всякой суеты и рассеяния, сосредоточивались внутренно на глубоком оккультном значении теософического конгресса.

Во время беседы, которую вела А.А., я, а вероятно и другие, испытала глубокое переживание, которое не берусь описывать, — так оно было необычно и непонятно для меня, но оно оставило след на всю жизнь.

Теперь я перейду к внешним событиям в Р.Т.О. до полного прекращения теософической работы на физическом плане со временем революции. Почти все эти события были враждебными нападениями на теософию, неожиданными атаками на само существование Общества; и они могли бы на время уничтожить его, ели бы у нас не было такого вождя как Анна Алексеевна. Она оказалась природным воином, она никогда не отступала перед трудностями и личными опасностями, а когда они возникали, она защищала порученное ей дело с такой силой и непреклонностью, что победа оказывалась всегда за ней.

Кроме столкновений с властями приходилось вступать в борьбу и с духовными течениями, враждебно настроенными к народившемуся Теософическому Обществу. В те дни большое влияние имели два течения: одно, во главе которого стояло Петербургское Религиозно-Философское Общество. К нему примыкали многие писатели и представители науки. Другое, мистическое, носившее название «неохристиан». Примыкавшие к первому течению считали теософию неприемлемой для русской души, а неохристиане видели в ней элементы, враждебные для христианства.

В октябре 1909 года в помещении Религиозно-Философского Общества состоялся доклад А.А. о задачах теософии, в конце которого происходили прения; в них участвовали кроме А.А. и её ближайшие сотрудники, а со стороны Р.Ф.О. председательствовавший в этот день Вячеслав Иванов, Д. Философов и Д. Мережковский.

Нужно думать, что члены Р.Ф.О. имели намерение сразиться с нами в тесном кругу своих сотрудников, иначе нельзя объяснить выбранный ими день — 17 сентября, — когда празднуется память святых Веры, Надежды, Любви и Софии; эти имена — самые распространённые в нашей стране, и этот день — самый неблагоприятный для публичных выступлений, так как все заняты чествованием бесчисленных именинниц. Кроме того, доклад был назначен на 9 ч., а состоялся только в 10.30. Мы явились вовремя, но председатель, увидев, что несмотря на именинниц, публики собралось много — вероятно, её привлекло стоявшее на повестке выступление теософов, — распорядился, чтобы сперва был прочитан длиннейший доклад о внутренних делах Р.Ф.О. Интересно, что публика не разошлась, ожидая доклада А.А. и последующих прений.

1 Узнать вас — значит вас полюбить.
2 Как дела?
3 Но… господин Стокгольм!

Доклад был составлен так удачно, что заранее лишал серьёзного значения все ожидавшиеся нами нападения, а до конца выдержанное спокойствие и самообладание докладчицы, как резкий контраст раздражённым и враждебным проявлениям Р.Ф.О. послужили нам на пользу. Особенно резко нападал на теософию Д.С. Мережковский; с обычной ему горячностью он обвинял теософов в том, что они *всех* любят и «готовы со всеми обниматься, даже с предателем Азефом» (в те дни общественное мнение было сильно возмущено процессом, раскрывшим преступную деятельность шпиона и предателя Азефа). Кончились эти прения тем, что из присутствовавшей аудитории, один за другим, стали подниматься голоса в защиту теософии, и последнее слово осталось за одним из неизвестных мне наших защитников, который выразил изумление, на каком основании члены такого просвещённого общества, как Религиозно-Философское, так резко нападают на учения, основанные на такой высокодуховной этике.

Мы покинули Р.Ф.О. с сознанием, что приобрели новых друзей для теософии.

В Москве состоявшийся в 1910 году диспут с неохристианами носил иной характер. Он был устроен в амфитеатре Народного Университета при большом стечении публики. Председательствовала А.А., и прения начались в назначенный час. Но первый же представитель неохристиан, попросивший слова, начал такую бесконечную речь, пополняя её ссылками на догматы христианской церкви, что председательница была вынуждена остановить его, прося дать время и для других участников прений. Остановив его, она назначила для всех остальных записавшихся ораторов не более 5 минут. Раздались протесты, недалеко от эстрады слышались иронические голоса, говорившие: «увидим, сколько времени председательница будет давать своим». Но им пришлось разочароваться: наших защитников теософии она так же беспощадно останавливала, лишь только стрелка часов показывала, что прошло 5 минут. Не знаю, какое впечатление вынесли присутствовавшие на этих прениях, но вспоминаю слова одного из самых выдающихся представителей современного православного христианства С. Булгакова. В разговоре со мной, происходившем в самом начале появления в России теософии, он сказал, что имел случай беседовать с тремя представительницами теософии и прибавил: «одно могу сказать, что ни у кого не встречал такой незыблемой веры, как у вас, теософов».

Но самое интересное из всех наших столкновений с враждебными течениями произошло на конгрессе Женского Общества в Петербурге в декабре 1910 года. Его следует отметить подробнее, потому что он состоял из наиболее передового слоя интеллигентных женщин, имевших большое влияние на общественное мнение. В означенном году все женские союзы, добивавшиеся расширения права женщин на высшее образование, объединились вокруг Женского Благотворительного Общества и решили организовать всероссийский женский съезд. Разрешение было дано после больших затруднений и усилий устроителей. А.П. Философова[1], которой принадлежала инициатива конгресса, провела широкую программу с девятью отделами, из которых один был посвящён духовным вопросам.

Теософическое Общество воспользовалось широтой программы и представило шесть докладов:

«Народные дома» Е. Писаревой;
«Народные университеты» А. Каменской;
«Анкета по религиозным вопросам среди учащихся» А. Каменской;
«Метода музыкального преподавания» А. Унковской;
«Этические союзы молодёжи» А. Молокина;
«Домашнее воспитание ребёнка» О. Филинциной.

Все эти доклады были прочитаны и вызвали большой интерес, несмотря на явно отрицательное отношение некоторых позитивистски настроенных групп. Особенный интерес съезда вызвала религиозная анкета, обращённая к учащимся, а также работы А.В. Унковской, которая иллюстрировала свою методу (цвет–звук–число) прелестными музыкальными вещами. Конгресс присудил ей почётный отзыв, но позже мы узнали, что её работы были признаны достойными золотой медали, которую она не получила только потому, что была членом Теософического Общества.

Зато доклад А.Каменской, доказывавший, что религиозные вопросы должны иметь своё место во всех народных университетах, вызвал настоящую бурю. Собрание вела крайняя социалистка Милюкова, и она увидела в этом докладе опасную для социализма духовную ноту, призывающую к братству и терпимости. После прочтения этого доклада, когда открылись прения, часть аудитории стала бушевать и раздались возмущённые речи против «церковности и сентиментальности» догматиков, а один из ораторов просил аудиторию обратить внимание на «мундир святейшего синода», который в действительности оказался формой горного инженера нашего члена, профессора Эрасси.

Вместо ответа на все укоры и нападки А.А. сказала, что на клевету и враждебные выступления ей не хочется отвечать, но она выражает глубокое сожаление, что передовая женская аудитория оказалась такой нетерпимой в то время, когда обсуждение религиозных вопросов было бы в высшей степени своевременно и полезно.

Когда она сошла с эстрады, председательница поспешила вызвать следующего докладчика, но внимание всей аудитории было направлено на группу выходивших из зала теософов; на всех лицах было выражение глубокого изумления, словно они спрашивали: что это за люди? откуда и кто они?

Поразило всех то, что мы отказывались от враждебной полемики и выслушав клевету, продолжали спокойно утверждать своё право на свободу мысли и совести.

В числе организаторов конгресса была наш член С.Э. Евдокимова, пользовавшаяся большим уважением среди всех общественных групп Петербурга. Глубоко возмущённая некорректностью собрания, она во время перерыва подошла к оратору, указывавшему на мундир святейшего синода, и спросила его: «Скажите, вы знаете, кто такая г-жа Каменская?» «Знаю», — ответил оратор, — «известная социалистка народной партии». — «Вы знаете, что она теософка и ничего общего со св. синодом не имеет?» — «Знаю». — «Почему же вы бросили эту фразу?» — «Так было надо», — резко сказал оратор. Из этого ответа ясно, что враждебное нападение на теософов было в программе тактики крайних прогрессивных течений.

Но кроме этих нападений со стороны нетерпимо настроенной интеллигенции, А.А. пришлось выдержать гораздо более опасное испытание, которое на этот раз шло от синодального цензора, наложившего запрет на «Вестник Теософии» и возбудившего судебный процесс против А.А. как его ответственного редактора.

По недосмотру секретаря редакции в статье Караджа не была вычеркнута резкая фраза, обвинявшая Христианскую Церковь в том, что она слишком легко приобщала к лику святых, причём были перечислены преступления византийского императора Константина.

За это цензура наложила арест на «Вестник», а А.А. была предана суду.

Суд состоялся в мае 1912 года. Прокурор обвинял А.А. в «богохульстве, святотатстве и оскорблении святых», за что полагалось заключение в Петропавловскую крепость (самую страшную из всех тюрем того времени) на один год. Прокурор настаивал на том, что подобная

1 Самой А.П.Ф. не удалось быть на этом конгрессе. Она скончалась в том же году весной 17 марта. — *Прим. авт.*

статья является политическим преступлением, потрясающим основы Церкви и государства. Свидетели, члены редакции «Вестника Теософии», доказывали, что тут был недосмотр, и просили прочитать весь номер «Вестника», который может ясно доказать, каково его истинное отношение к религии. Но прокурор не разрешил прочитать хотя бы несколько выдержек из журнала. Он делал свои выводы, опираясь только на данную статью, и даже не на всю, а только на её последнюю фразу.

Защищавший А.А. адвокат Гольм предупредил, чтобы она захватила с собой необходимые туалетные принадлежности, так как в случае обвинения её могут отправить из зала суда прямо в крепость. Он горячо доказывал на суде, что обвинение составлено неправильно, и что в этом недосмотре нет состава преступления. Но прокурор продолжил настаивать на государственном преступлении и требовать, чтобы к обвиняемой была применена самая высшая мера наказания.

Под конец судебных прений было предоставлено последнее слово А.А. В те шесть минут, которыми она располагала, ей удалось сжато, но необыкновенно удачно изложить задачи теософии и направление журнала. Во имя свыше провозглашённой свободы слова и вероисповедания она выражала уверенность, что с «Вестника Теософии» будет снято тяжёлое и несправедливое обвинение.

В последующем разговоре с нами её адвокат Гольм выразил удивление, с каким искусством она защищала своё дело, и прибавил, что «адвокаты должны бы поучиться у неё, *как* нужно вести защиту».

После получасового обсуждения суд присяжных единогласно оправдал её.

Прибавлю, что обвиняемая и члены редакции пробыли в здании суда, ожидая своей очереди, с 9 часов утра до 8 с половиной часов вечера.

Вторая опасность для самого Русского Теософического Общества произошла позднее, уже во время войны, весной 1915 года.

Когда разразилась война, начала ходить по рукам декларация, составленная пацифистами, в числе которых были и толстовцы, стремившиеся вызвать в населении решение отказываться от воинской повинности. Как теософы, никто из нас не мог сочувствовать такому нелояльному проявлению во время войны, но в нашем Обществе оказалось два толстовца, подписавшихся под декларацией пацифистов. По непонятному легкомыслию один из них в письме приятелю назначил ему свидание в редакции «Вестника Теософии».

В полиции это вызвало подозрение, что Теософическое Общество действует враждебно против правительства. И тогда, весной 1915 года, А.А. была неожиданно вызвана в III отделение Жандармского Управления, которое представляло собой тайную полицию по политическим делам. Это было одно из самых ненавистных учреждений старого режима, и никто не входил в его двери иначе, как со страхом и трепетом за свою судьбу. Зная это, верный друг и сотрудница Анны Алексеевны Ц.Л. Гельмбольдт, состоявшая секретарём Теософического Общества, решила — хотя она и не была вызвана — всё же сопровождать А.А.

Получив приглашение, они обе немедленно отправились в III Отделение. А.А. была проведена в кабинет следователя (жандармского полковника), а Ц.Л. оставили ожидать в другой комнате. На вопрос А.А., по какому делу её вызвали, следователь ничего не ответил, а пригласил её сесть у её стола и, делая вид, что не замечает её, продолжал писать. Тогда А.А. вынула из кармана Бхагавад-гиту, всегда бывшую при ней, и стала спокойно читать.

Так как III Отделение среди интеллигенции считалось таким опасным местом, откуда многие не возвращались, было совершенно естественно, что вызываемые туда находились в тревожном состоянии, и нервы их были напряжены до последней степени. Жандармский следователь умел искусно пользоваться этим, и одним из его приёмов было — утомить свою жертву, а затем испугать её неожиданно поставленным коварным вопросом.

И в этот раз жандармский следователь долго писал, незаметно наблюдая за А.А., а она продолжала спокойно читать Бхагавад-гиту. Наконец он заговорил. После формальных вопросов о дне рождения, профессии и т.д. он внезапно произнёс незнакомую для А.А фамилию и спросил, знает ли она такого члена Теософического Общества лично. А.А. его не знала; тогда он назвал второе имя, и этого А.А. не знала, но прибавила, что может быть эти имена и стоят в списке членов; об этом нужно справиться у секретаря, которая находится в соседней комнате. Тогда позвали Ц.Л., и она подтвердила, что такие члены были в Киевском Отделе, но они вышли из Теософического Общества. После этого жандармский полковник потребовал список членов, стал их сверять со своим списком, и не найдя в нём подозрительных имён, совершенно неожиданно спросил А.А., не знает ли она Трегубова, известного сектанта и пацифиста, считавшегося в III Отделении опасным пропагандистом. «Да, я его знаю», — ответила она спокойно. Следователь даже подскочил на стуле и начал подробно расспрашивать, как и почему она его знает. А.А. ответила, что Трегубов, как специалист по религиозным сектам, приносил в редакцию интересный материал, касающийся различных сектантских течений, и два его очерка были напечатаны в «Вестнике».

Следователь был видимо поражён, что А.А. так спокойно сознаётся о своём общении с таким опасным врагом правительства. В другой раз он так же подскочил, когда на заданный им формальный вопрос, не была ли она когда-нибудь под судом, она так же спокойно ответила: «да, была» и стала рассказывать, что произошло на судебном заседании и о своём оправдании судом присяжных. На вопрос, не скрывает ли она что-нибудь, она ответила: «Если вы познакомитесь с нашим учением, вы увидите, что мы поставили себе за правило всегда и везде говорить одну правду, хотя бы это было невыгодно и опасно для нас». — «Да, я это уже заметил», — сказал следователь.

После этого его интерес к необыкновенной свидетельнице (А.А. была вызвана как свидетельница) видимо возрастал, и он стал расспрашивать её, как относится Теософическое Общество к войне. А.А. ответила, что в мирное время теософы стремятся к водворению мира на Земле и работают в этом направлении, но когда родина в опасности, они считают своим долгом защищать её; в доказательство своих слов она сослалась на Бхагавад-гиту, бывшую у неё в руках, и объяснила жандарму, что это — одна из руководящих книг теософов, и стала излагать, что такое Курукшетра. Полковник был видимо заинтересован; он прочитал ей текст декларации против войны, подписанный толстовцами, и спросил: как же могли такие люди, как подписавшиеся, быть членами Теософического Общества? В ответ на это А.А. просила проверить этот факт у секретаря Общества. Он вызвал из соседней комнаты Ц.Л., которая рассказала ему недавний инцидент в Киевском отделе Теософического Общества. Там были двое членов толстовцев, которые предлагали теософам примкнуть к протесту. Члены Киевского отдела отказались, и оба толстовца вышли из Общества. Заметив, что следователь был удовлетворён этим объяснением, А.А. посоветовала познакомиться с «Вестником Теософии» и самому убедиться, что теософы не занимаются политикой, а стараются одухотворить земную жизнь и внести в неё более благородное настроение.

Кончился этот четырёхчасовой допрос тем, что жандарм выразил большой интерес к теософии, попросил прислать ему «Вестник теософии» и любезно выразив удовольствие, что познакомился с представительницей Общества, отпустил А.А. и Ц.Л. с глубокими поклоном.

В 1920 году, когда была прекращена деятельность всех обществ, в том числе и Теософического Общества, ночью был сделан обыск в его Центре, на Ивановской улице, и в комнате его председательницы. У явившегося судебного следователя и его помощника был ордер на арест А.А., но она в это время находилась за городом, в санатории Лесного, где только что похоронила свою мать и сама лежала больная.

Во время обыска секретарь редакции Ц.Л. Гельмбольдт проявила необыкновенное самообладание и присутствие духа, благодаря которому ей удалось спасти письма Анни Безант к А.А.; портреты Учителей остались каким-то чудом не взятые. Не знаю, как в других отделах Общества, но у нас в Калуге было то же самое. Обыск у меня произвели совершенно неожиданно, и когда очередь дошла до запертого ящика, где я хранила важные бумаги и портреты Учителей, все бумаги и всё содержимое ящика было взято, исключая портретов, которые так и остались нетронутыми на самом виду. Было впечатление, что они их не видели.[1]

Обыск на Ивановской не обнаружил ничего опасного; тем не менее агенты ГПУ забрали много бумаг, рукописей и писем, которые были увезены в его склады.

На другой день после обыска в помещение Теософического Общества явился солдат с мандатом арестовать А.А. и привести её в ГПУ. Ц.Л. начала объяснять солдату, что А.А. вне города, лежит больная и явиться не может. Солдат оказался добродушным и посоветовал ей пойти самой и лично объяснить причину неявки призываемой. Ц.Л. немедленно отправилась в ГПУ, и не успела ещё докончить своих объяснений, как чекист начал кричать на неё и грозить, что если они будут скрываться, «обеих их отправят в Тмутаракань!». На это Ц.Л. ответила, что они и не думают скрываться, и что А.А. лежит больная в Лесном. — «Больная?! Так мы её перевезём в тюремную больницу!» — «Но вы её по этому холоду простудите, а я даю вам слово, что через неделю, когда она поправится, она сама явится к вам». В ответ на это чекист начал кричать, что такими обещаниями его не проведёшь, чтобы А.А. сейчас явилась, иначе — «обеих в Тмутаракань!» На что Ц.Л. спокойно ответила: «Ну что ж! И в Тмутаракани может быть хорошо, если человек не делал зла. Человек несёт в самом себе свет, и он светит ему повсюду». Чекист вытаращил на неё глаза, а она продолжала: «Мы не думаем скрываться; вы можете положиться на наше обещание. Если бы вы познакомились с нашим учением, вы бы знали, что мы не можем лгать. И зачем вы так кричите? Мне трудно вас слушать, а вы тратите много сил; чтобы понять друг друга, гораздо лучше говорить обыкновенным голосом, не надрываясь». После этих её слов чекист почесал затылок и сказал уже совсем другим голосом: «Это правда, это у нас такая уже привычка... Можете идти, и чтобы через неделю А.А. Каменская непременно явилась!» Когда Ц.Л. уже уходила, он спохватился и остановил её: «Стойте! Я дам вам пропуск!». Позже она узнала, что без этой бумажки её не выпустили бы.

После этого прошла неделя, и только А.А. успела вернуться из санатории, как ей была прислана повестка явиться в ГПУ самолично. Она немедленно отправилась, и её преданный друг Ц.Л. решила также идти с ней. Это было очень рискованно, так как входившие в двери ГПУ большей частью уже не выходили оттуда. При входе в помещение ГПУ, в бывшем Градоначальстве на Гороховой, стоял солдат с пушкой, дуло которой было направлено на входящих.

Их провели в кабинет следователя, а потом разделили. Ц.Л. была уведена в соседнюю комнату и каждой из них была дана печатанная анкета, на которую надо было отвечать подробно. Один из вопросов был: как вы смотрите на коммуну? Обе допрашиваемые, хотя находились в разных комнатах, ответили почти слово в слово одно и то же: что духовная община является для теософов одним из идеалов будущего. Когда они закончили с анкетой, их опять стали допрашивать, сперва порознь, а потом вместе, стараясь ловить на каждом слове и запугивать криками и грубыми оскорблениями. Их называли «врагами народа», обвиняли в подпольных интригах, грозили тюрьмой и ссылкой, если они чистосердечно не сознаются во всех своих преступлениях. Попутно спрашивали их о друзьях и сотрудниках, стараясь добыть их имена и адреса, а так как они на эти вопросы не отвечали, раздражение следователя росло всё больше. Он начал обвинять их в саботаже и тунеядстве, на что они возразили, что хотят работать, но их отовсюду гонят и всеми способами мешают им трудиться на пользу народа. Выслушав всё это, следователь ошеломил их. Он сделал предложение А.А. стать во главе Новой Духовной Академии, где она сможет свободно пропагандировать свою теософию, но при одном условии: она должна доказывать, что Бога нет и что всякая религия есть лжеучение.

Что касается Цецилии Людвиговны, то ей был предложен, не больше и не меньше, как пост комиссара народного просвещения. Когда же она отказалась, следователь посмотрел на неё подозрительно и спросил, *почему* она отказывается. — «Потому», — ответила она, — что я не считаю себя подготовленной к такому важному и ответственному делу, у меня нет для этого достаточных знаний. — «Глупости!» — крикнул следователь. — «Мы берём крестьянина от сохи и ставим его на ответственный пост, и он не отказывается!» — «Потому-то он и не отказывается», — возразила Ц.Л., — «что у него нет знания и нет чувства ответственности, а у меня их достаточно, чтобы понимать, как много надо знать, чтобы годиться в комиссары народного просвещения».

А.А. тоже отказалась от предложенной ей чести и их продолжали допрашивать в продолжении пяти часов. Наконец А.А изменила тон и резко и энергично выразила своё возмущение за то, что невинных граждан подвергают такому допросу. После этого следователь сменил тон, перестал кричать и не только отпустил их, но даже обещал вернуть им взятые при обыске документы. Получив от него пропуск, А.А. и Ц.Л. благополучно вышли из ГПУ, и из пушки в них не стреляли.

Дома их ждали перепуганные и взволнованные друзья. Радость их была велика, когда они увидели обеих, хотя и измученных, но живыми. Прибавлю, что обещание вернуть бумаги не было исполнено, и всё взятое ими так и погибло для Теософического Общества.

Через одного из друзей, имевшего доступ в соответствующие сферы, мы узнали, что хотя этот допрос и вызвал впечатление, что «теософы какие-то божьи коровки, которые вреда не принесут», но тем не менее ему дали совет, чтобы «коровки» поспешили скрыться, потому что может легко случиться, что их вызовут второй раз и тогда уже не выпустят.

После обыска помещение Теософического Общества было запечатано, а также и комната председательницы, так что фактически А.А. осталась без квартиры. Тогда она и Ц.Л. стали искать выхода, надумали уехать в деревню и устроить меленькую общину в глуши. Такие общины уже были образованы теософами в разных местах — под Москвой, в Лесном и во Владимирской губернии.

Самая интересная попытка была во Владимирской губернии в селе Караваевке, и на ней стоит остановиться. Хозяйка, сохранившая усадьбу — госпожа Зимина — пригласила А.А. и её сотрудников переселиться к ней, в её имение «Караваевку», которая находилась в тридцати верстах от Троице-Сергиевской Лавры, знаменитого монастыря, сыгравшего такую важную роль в истории России.

1 *Примечание.* На Украине общества работали до весны 1923 года, когда была объявлена перерегистрация всех обществ. В Житомире и Киеве было отказано в регистрации Теософического и Вегетарианского обществ, так как они носят «буржуазный» характер. После отказа в регистрации пришлось этим обществам прекратить свою деятельность. — *Прим. Н. Рейнке.*

А.А. приняла приглашение, и вместе с Ц.Л. и В.Н. Пушкиной доехала, хотя и с большим трудом, до Троицкой Лавры. Оттуда им пришлось ехать на крестьянской телеге, и когда они добрались до усадьбы Зиминой, расположенной среди лесов и полей, хозяйка встретила их радушно и отдала в их полное распоряжение четыре комнаты. Окна одной из них выходили в сад, была весна, цвела сирень и пели соловьи. Хороший ужин ожидал гостей, давно не видавших молока, масла и белого хлеба. Всеми этими земными благами хозяйка усадьбы, не имевшая работников, обладала потому, что крестьяне очень ценили её как врача и акушерку (она практиковала в двадцати деревнях данного округа), и в благодарность за её многолетние самоотверженные труды привозили ей муку, картофель, яйца, масло, грибы и другие продукты. Потому у неё были большие запасы продуктов, и она поделилась ими с приехавшими.

Она мечтала об устройстве теософической общины, а её муж, со своей стороны, предложил для их теософической работы «Народный дом», который он основал в Караваевке и которым заведовал. Он стоял во главе местного кооперативного движения и помог крестьянам создать ряд кооперативных предприятий: мельницу, маслобойню и сапожную мастерскую; все эти предприятия имели большой успех.

А.А. и её друзья с благодарностью приняли оба предложения и основали маленькую артель, к которой вскоре присоединились ещё пять членов Т.О., четверо из Москвы и одна, пишущая этот очерк, из Калуги.

Маленькая община заработала активно и разнообразно. Работы в доме, в саду и огороде были распределены между её членами. По воскресеньям устраивались беседы, лекции и концерты для народа. Была даже устроена выставка кустарно-художественных изделий благодаря тому, что к общине присоединился знаток этой отрасли народного труда А.Л. Погоская.

В течение всей зимы и до глубокой осени продолжалась эта многосторонняя деятельность. По вечерам община, под председательством А.А., жила глубокой духовной жизнью, разрабатывая совместно ряд духовных проблем.

Здесь перед закрытием общины закончила свою прекрасную жизнь А.Л. Погоская, и мы похоронили её тело на кладбище маленькой деревенской церкви в двух верстах от усадьбы Зиминых.

Весной в Народном Доме Караваевых был обыск, нашли несколько толстовских изданий и между ними брошюру против смертной казни, которая признана была главным поводом для обвинения друга народа Зимина в его якобы «преступной деятельности». Его жена поехала хлопотать о его освобождении и советовала друзьям разъехаться. Община рассеялась в апреле 1921 года, проработав ровно год.

В начале 1917 года, когда были сняты все запрещения с частной и общественной инициативы, Р.Т.О. развило большую деятельность. Устраивались публичные собрания, лекции и собеседования как в Петербурге, так и в других отделах Общества. В ноябре 1918 года ещё состоялось последнее годовое собрание, на котором присутствовали представители всех отделов.

Но уже в начале 1919 года всякая общественная инициатива была запрещена, и Теософическое Общество должно было прекратить свою работу. Хотя официально оно было запрещено лишь в 1922 году, но уже в 1919 году были строго запрещены открытие и закрытые собрания, что привело к прекращению деятельности Общества.

В первое время члены собирались маленькими группами и продолжали работать, но в 1920 году и эти скромные попытки общения должны были прекратиться.

В сентябре 1918 года был выпущен последний номер «Вестника Теософии», в котором было начало «Эзотерического христианства» А. Безант. В том же году должна была выйти новым изданием книжка «У ног Учителя», но на неё был наложен запрет.

В 1920 году был закрыт наш кооперативный магазин, в котором продавались теософические книги, художественные картины и крестьянские кустарные изделия. В следующем году была закрыта наша типография. В это время в типографии уже не было рабочих, и работали только члены Т.О. Им удалось ещё напечатать миниатюрное издание «Света на Пути» и несколько брошюр Союза Воспитания. Они печатали также визитные карточки, объявления и т.п., это давало Т.О. некоторый доход.

Когда закрывали нашу типографию, там работало пять членов. Их арестовали и повели в Народный Суд. Путь оказался дальний. Сначала солдаты были грубы и настроены враждебно, но по мере того, как они вели арестованных, терпеливое и доброжелательное отношение к ним теософов изменило их настроение, солдаты становились всё дружелюбнее, стали расспрашивать теософов о их деятельности и кончили тем, что поделились с ними своим хлебом и дали им ряд советов, *как* отвечать на суде, *что* говорить, и чего *не* касаться. Суд, начавшийся грозными криками и оскорблениями по адресу арестованных, закончился их оправданием. Члены суда были поражены их спокойствием и не только отпустили их на волю, но присудили отдать им обратно типографию и конфискованные книги. Несмотря на этот приговор типография осталась запечатанной и конфискованные книги не были возвращены.

Таким образом, все двери для активной работы были закрыты для теософов. Они пытались работать в советских учреждениях: в школах, приютах и яслях, но настолько не подходили по своему подходу к работе, что им неизменно отказывали. Как пример расскажу усилия одного из членов Калужского Отдела А.А. Фоминой работать в яслях, устроенных для пролетарских младенцев.

Хотя в то время главным контингентом служащих были люди необразованные или малограмотные (бывшие дворники, кухарки, прачки, мелкие торговки), но так как учреждения сильно увеличивались в числе, то иногда получали работу люди, принадлежавшие к культурному классу. Так попала А.А.Ф. в число заведующих детскими яслями. Я часто заходила к ней, и на моих глазах началась и кончилась печальная повесть обещанного «детского рая».

В теории была большая забота о детях. Но на практике из этого ничего не выходило. Бесчисленные приюты, ясли, детские дома устраивались очень просто. Выбирали наиболее благоустроенные особняки, забирали со своих складов конфискованные в магазинах и частных домах детские кроватки и коляски, дорогие ковры, игрушки и другие детские принадлежности. Делали объявление об открытии яслей и приютов.

Войдя в первый раз в помещение яслей, которым заведовала А.А.Ф., я была приятно поражена. Стояла летняя пора, и в открытые высокие окна вливался яркий свет, весело освещая нарядные комнаты с белыми кроватками и дорогими коврами на блестящем паркете; и немало кроваток было уже занято принесёнными младенцами. Мы с А.А.Ф., которая обожала детей, радовались, глядя на них. Но недолго продолжалась наша радость. Прошло несколько дней, и прекратился привоз молока. А.А.Ф. побежала в соответствующее учреждение, там ей дали мандат на получение молока и послали в другое учреждение в другом конце города; здесь ей объявили, что они молоком не заведуют и послали в третье учреждение, откуда снова направили в первое, а там только беспомощно развели руками — «нет молока», «дорогой разлилось», «коровы заболели» — был обыкновенный ответ. Измученная этой бестолковой беготнёй, бедная А.А.Ф., вернувшись домой, поила младенцев ромашкой или жидким чаем. Иногда после настойчивых упрашиваний ей присылали ящики с провизией; она бросалась открывать их и вместо затребованной манной кру-

пы находила плитки шоколада, или вместо сгущённого молока — банки с вареньем. В таких условиях продолжалась её работа, а бедные малютки хирели и умирали. Кончилось тем, что матери перестали приносить своих младенцев и ясли пришлось закрыть.

Вспоминаю также попытку устроить теософическую санаторию для выздоравливающих раненых и больных. Она удалась благодаря энергии нашего вице-председателя доктора П.И. Тимофеевского, которому посчастливилось сохранить некоторое время видный пост в Комиссариате Здоровья. Санатория вышла образцовая; весь персонал состоял из теософов, и атмосфера учреждения создалась чудесная. Больные, которым удалось попасть туда, быстро поправлялись и говорили с восторгом о проведённом там времени. Доктор Тимофеевский с помощью скрипачки Унковской ввёл в этой санатории лечение музыкой и пришёл к очень интересным выводам, которые обещали открыть новую эру в области терапии. Но через шесть месяцев такой удачной работы санатория была закрыта.

Была ещё попытка теософов устроить художественные мастерские, но на них был наложен запрет. Тогда они попробовали организовать маленькие общины в деревнях по Москвой, в Лесном и во Владимирской губернии. Об этой последней попытке я уже сообщила.

Трём членам Караваевской общины — А.А. Каменской, Ц.Л. Гельмбольдт и В.Н. Пушкиной — удалось бежать за границу. Пишущая эти строки имела возможность достать заграничный паспорт и поселиться у друзей в Италии, где она продолжала теософическую работу.

А.А. и Ц.Л. удалось бежать в начале июня 1921 года через леса и болота Финляндии. Их бегство настолько интересно, что я постараюсь передать как можно точнее их рассказ об этом необычайном переживании.

В то время в Петербурге существовало несколько тайных организаций, переводивших беглецов через границу. А.А. и Ц.Л. удалось войти в сношение с одной из них (В.Н. Пушкина бежала позже). 1 июня они благополучно перешли финскую границу. План бегства был составлен такой: одна из финских молочниц, привозивших молоко в Петербург из пограничной деревни, взялась сопровождать А.А. и Ц.Л. до одной из ближайших [к границе] железнодорожных станций и затем провести их через лес к себе в деревню. Там они должны были отдохнуть, а на заре двое финских контрабандистов обязались прийти за ними, чтобы провести их через протекавшую неподалёку речку, которая отделяет Финляндию от России.

Было решено пуститься в путь 1 июня. А.А. и Ц.Л. оделись по-пролетарски, голову повязали платками, как их носят крестьянки, и с котомками через плечо, в которых находились самые необходимые туалетные принадлежности, одна перемена белья, Евангелие и Бхагавад-гита, тронулись в опасный путь.

Всё шло хорошо, пока беженки ехали по железной дороге и затем шли через лес, следуя за молочницей и делая при этом вид, что она — сама по себе и они её не знают. Но когда они были уже совсем близко от её деревни, молочница вдруг заметила на дереве какие-то знаки, указавшие ей, что поблизости находится красный патруль.

Она оставила беженок в лесу, а сама побежала в деревню. Это случилось, когда уже начало темнеть, а вскоре наступила и ночь. Когда молочница вернулась, они узнали от неё, что красноармейцы действительно вошли в деревню и идти туда было опасно. Надо было взять новый маршрут через леса и болота и обогнуть дорогу на 10 вёрст к северу. Молочница провела их в овраг, где их ждали контрабандисты, два здоровых финских молодца, а сама ушла к себе в деревню. Всю ночь до рассвета беглянки шли лесами и болотами, но ни разу не почувствовали страха или сомнения. Тёплая июньская ночь, звёздное небо, расстилавшееся над ними и чаща лесов представлялись каким-то волшебным царством. Им казалось, что их ведёт ангел, и что несомненно всё кончится хорошо. Обе испытывали глубокий мир.

Действительно, всё шло хорошо до конца, и только в двух случаях было нарушено на короткое время их спокойное настроение. Перед выходом из леса контрабандисты вынули револьверы и потребовали немедленной уплаты, объясняя своё требование тем, что возможна встреча с патрулём, которая грозит всем им смертью, и они на всякий случай хотят обеспечить себя. Но А.А., обдумав положение, спокойно и твёрдо напомнила им, что по добровольному договору уплата должна быть *после* перехода границы, а не раньше, и вожаки подчинились. Второй тревожный момент они пережили тогда, когда стали спускаться к речке. Никого не было видно, была полная тишина, но на небе уже зажигалась заря. Спустившись к самому берегу реки и считая себя в безопасности, контрабандисты стали разуваться, чтобы босиком перейти через брод. В эту минуту Ц.Л. испугалась, ей показалось безрассудным всякое промедление, она подумала, что неожиданно — в последний миг — могут явиться красноармейцы, и бросилась в речку, не ожидая, пока контрабандисты разуются и покажут им брод. А.А. последовала за ней, и обе взобрались на тот берег совершенно измокшие, а вожаки прошли сухим путём.

Когда они переступили на финляндскую землю, А.А. перекрестилась и сказала: «Слава Богу! Мы на свободной земле!» А Ц.Л. протянула руки к покинутому берегу и со слезами произнесла: «Все наши братья остались там!».

Через час ходьбы в мокрой одежде они вошли в финскую избу, расплатились с контрабандистами и сели отдохнуть. Старая финка стала варить для них кофе, а её муж, предлагая им умыться, принёс кувшин с водой, чистое полотенце и кусок мыла — роскошь, давно уже не виданная ими. Они рассказывали, как трудно было оторваться от жбана с молоком, показавшимся им небесным нектаром, и как вкусен был кофе с белым хлебом.

После этого хозяин подал запряжённую финскую таратайку и повёз их в Териоки в карантин, который находился в 15 верстах к югу от этой финской деревни. Во время пути всё радовало взоры беглянок: и хорошо обработанная земля, и чистые домики финнов, и сытая лошадка, и стоявшие на лугах стога сена... Всё было в таком порядке, чистоте и изобилии, всё говорило о здоровой нормальной жизни.

К девяти часам утра они прибыли в карантин, где прожили в течение двух недель на даче, приспособленной для приёма беженцев. Их хорошо кормили и заботились обо всех их нуждах.

На другой день приехал в карантин генеральный секретарь Финляндской Теософической Секции доктор Сонг. Он привёз для них съестные припасы, деньги и сердечное предложение приехать в Гельсингфорс[1]. Когда они, благодаря его хлопотам, получили разрешение въехать в Гельсингфорс, их встречали на железнодорожной станции финские теософы; увидев их в изодранных платьях и распадающейся обуви, многие из них взволновались до слёз.

Их устроили в хорошей комнате с чистым бельём и ванной, и они почувствовали себя, как в раю. Возможность этого рая была им дана благодаря участию финских теософов; остальные беженцы прошли через тяжёлые испытания.

В Гельсингфорсе они пробыли шесть недель и присутствовали на съезде Финской Секции. А затем поехали далее на запад, в Бельгию, надеясь попасть на международный теософический конгресс, который в том году состоялся в Париже. Прибавлю от себя, что испытать эту радость им не было суждено — они не добились вовремя французской визы.

1 Хельсинки.

Чтобы закончить свой очерк о деятельности Русской Теософической Секции до её закрытия, упомяну в нескольких словах, какую работу нам удалось сделать вне самого Теософического Общества.

Вскоре после его основания был организован «Орден Служения», который проявил особенно энергичную деятельность во время войны. Во всех провинциальных отделах Т.О. были устроены дежурства в военных госпиталях, чтение вслух для раненых и беседы с ними. В самом Петербурге Орден Служения имел девять отделов:

1) Мастерскую для шитья белья и вязанья тёплых вещей.

2) Сбор пожертвований для раненых вещами. С этой целью в помещении Т.О. открылся пункт сбора.

3) Была устроена своя кровать в Царскосельском госпитале; были дежурства в госпиталях. Несколько членов посвятили себя работе в Красном Кресте.

4) Чтение вслух для раненых.

5) Летучие библиотеки, которые раздавались и рассылались по госпиталям — с рассказами идеалистического направления, а также и теософические брошюры.

6) Группа скорой помощи. Её члены шли на всякую нужную спешную работу.

7) Статистическая группа: её члены работали при открывшихся бюро для пособий вдовам, жёнам и детям раненых и убитых.

8) «Союз Радости и Красоты». Члены этого союза посещали госпиталя, беседовали с ранеными и раздавали им цветы.

9) Группа «Трубадуров» обходила госпиталя и приюты для выздоравливающих раненых и устраивала концерты, во время которых показывались световые картины, сопровождаемые подходящей музыкой под руководством А.А. и скрипачки Унковской.

Два последних вида помощи были особенно оценены ранеными и персоналом больниц. Цветы, раздаваемые раненым и ласковые с ними беседы вызывали большую радость, а после концерта они становились спокойнее и просыпались более бодрыми.

Тот же Орден Служения имел своей задачей распространение вегетарианства.

Орден этот открыл в 1910 году на Васильевском Острове вегетарианскую столовую под руководством Б.Ю. Каляр. Эта столовая просуществовала до 1921 года, внося свои доходы в кассу Общества. Она оказала много услуг учащейся молодёжи, а также и членам Т.О., когда наступил голод. Устроительница столовой Б.Ю. Каляр долго боролась, мужественно отстаивая нашу столовую, но далее 1921 года вести её уже оказалось невозможно.

В 1917 году Р.Т.О. устроило под Петербургом «Дом отдыха» на даче, подаренной Обществу одним из его членов. Целью этого дома было дать возможность желающим провести несколько дней в тишине и одиночестве. Этому дому было дано имя «Васанта». (К сожалению, он сгорел после недолгого существования).

В 1918 году было основано кооперативное общество «Вестник», имевшее на Литейном проспекте свои мастерские, свою типографию и свой магазин теософических книг и картин, а также кустарных художественных изделий. Девизом кооперативного общества было: «Рыцарство в торговле».

На всё это потребовались значительные средства, которые Общество получило от своего члена И.А. Анучкина. История его пожертвования настолько интересна, что её стоит рассказать. Совершенно неизвестный нам инженер Анучкин, побывав на открытом теософическом собрании, стал очень интересоваться нашими учениями. Он был в то время в полосе неудач, не находя работы, и сильно тосковал, оставаясь без дела. Присутствуя на одном из теософических собраний, он дал молчаливый обет, что если ему удастся получить выгодную работу, он будет помогать Теософическому Обществу. После этого дня произошла резкая перемена в его судьбе. Со всех сторон появились выгодные предложения, и он в самое короткое время разбогател настолько, что мог помогать Теософическому Обществу крупными суммами. Дача «Васанта» и типография были также его подарками Обществу.

Кроме Ордена Служения внутри Теософического Общества возникли одно за другим несколько тесно связанных с ним духовных начинаний: «Религиозно-философское Объединение» представителей различных религиозно-философских течений. А.А. удалось заинтересовать нескольких представителей духовенства и философии, и первое собрание этого объединения состоялось вокруг формулы «Единство Бога, Братство Человечества, Служение миру во имя Бога».

За год до этого образовался «Союз Воспитания Свободного Человека». Девизом этого союза было: «Счастье и свобода народа зависят от внутренней культуры его граждан». Союз устраивал воскресные классы, вечерние курсы, лекции, беседы и этические курсы. Кроме того, он основал «Отдел молодёжи», который успешно работал при многих гимназиях.

Вне самого Теософического Общества А.А. с группой теософов принимала участие в различных общественных начинаниях и старалась образовать связь с передовыми духовными течениями.

Если бы революция не уничтожила всю русскую духовную культуру, можно с уверенностью сказать, что в России настал бы настоящий расцвет теософии. О нас заговорили, начали интересоваться нашими учениями, с нами стали считаться представители передового слоя русского общества, наша литература стара быстро распространяться, наши книги появились в витринах всех больших книжных магазинов. И на наших публичных вечерах и выступлениях мы имели всё больший успех. Тайна этого успеха заключалась не только в новизне учений и высоте теософических идеалов, но и в цельности настроения первых пионеров теософического движения, в их стремлении одухотворить всё, с чем соприкасалась их деятельность.

Как пример вспоминается мне вечер, задуманный и устроенный А.А. в память нашей умершей вице-председательницы А.П. Философовой. Мы знали, что её имя привлечёт самую избранную публику Петербурга, и действительно, на этом вечере собрался цвет петербургского высшего общества. Нас пришли слушать люди много знающие и много видевшие, пресыщенные впечатлениями, и их нельзя было удовлетворить чем-нибудь обыденным или посредственным.

Мне лично было боязно за ту программу вечера, которую выработала А.А. По её указанию мы начали искать всюду — и у себя, и в художественных магазинах, картинки и открытки, исполненные в красках, передававшие различные моменты из жизни природы и отражающие переживания духовно пробуждённой человеческой души. Мотивы были взяты из всех веков и религиозных верований различных народов. Собралась большая коллекция, из которой были выбраны наиболее значительные художественно исполненные мотивы; к этим избранным картинам наш музыкальный отдел подобрал соответственную музыку, частью классическую, частью собственного музыкального вдохновения.

Зала оставалась в темноте, а исполнители музыкального сопровождения оставались скрытыми от публики за драпировками и высокими растениями. Когда на экране волшебного фонаря появлялась картина, из глубины залы раздавалась музыка, которая говорила о её внутреннем смысле.

Впечатление от этого вечера превзошло все наши ожидания. Выбор картин и соответствующая музыка, будившая в душе зрителя желаемые впечатления и те мысли и чувства в полной гармонии с музыкальными

мотивами, которыми — как один человек — были одушевлены все исполнители концерта, произвели необыкновенно сильное впечатление на присутствующих.

По окончании вечера многие пожелали познакомиться с его вдохновительницей, председательницей Теософического Общества.

Пробираясь среди уходящей толпы, я внимательно прислушивалась к тому, что говорили, и слышала такие фразы: «Нужно отдать справедливость теософам, они умеют создавать настроение» ... «Это какие-то необыкновенные люди» ... «Это возрождённые пифагорейцы» ... «Нужно у них поучиться высшему искусству, *как* следует одухотворять искусство»...

Повторяю, публика была из той среды, которую трудно удовлетворить, и успех этого вечера заставляет думать, что если бы все духовные начинания не прекратились во время революции, как раз в то время, когда учения теософии только что начинали проникать в общественное сознание, они могли бы оказать большое влияние на духовную культуру России.

Зная это, можно подумать, что история Р.Т.О. закончилась.

Но недаром его основательница А.А. Каменская одарена свойствами «непреодолимого воина», который никогда не сдаётся и, пока в нём ещё сохранилась искра жизни, снова и снова бросается в борьбу. Немедленно, как только она спаслась бегством от преследований и обосновалась, по указанию президента Анни Безант, в Швейцарии, она стала думать о восстановлении Русского Теософического Общества за границей. Она вошла в сношение с рассеянными по всему свету русскими теософами и стала издавать маленький периодический журнал «Вестник», который должен был служить звеном для их соединения в одну сплочённую теософическую семью; затем она добилась того, что возникли в Швейцарии, Англии, Франции, Бельгии и Германии семь работающих теософических центров, необходимых для получения хартии, и в 1925 году, в дни золотого юбилея в Адьяре, она получила хартию, признающую «Русскую Секцию Теософического Общества вне России» за самостоятельную часть мирового Теософического Общества; благодаря этому А.А могла возобновить свою деятельность генерального секретаря возрождённой на чужбине Русской Секции. В 1935 году в ней уже имелось 13 лож и много отдельных кружков в различных частях света. Десятилетие этой возрождённой Русской Секции было отпраздновано в Париже в 1933 году.

А.А. сделала всё, что возможно было сделать для возрождения теософической работы в условиях бесправия и тяжёлой нужды эмигрантского существования. Чтобы дать возможность соединиться для общей работы представителям разбросанных по Европе теософических центров, ей удалось организовать ежегодную «Русскую теософическую неделю». Не обладая никакими личными средствами, А.А. имела зато в различных европейских центрах многочисленных друзей, которые предлагали приютить приезжавших делегатов и доставлять на время русского съезда подходящее для их собраний помещение.

На этих съездах разрабатывали сообща, как когда-то в Подборках, общий план предстоящей годовой работы. Эти совместные совещания давали всему зарубежному теософическому движению новые силы и вдохновение. Кроме общей теософической работы на одном из этих ежегодных собраний возникла мысль создать «Орден Служения России», целью которого было изучение России и души её народа. Наиболее активные члены взялись углубить своё знание древней её и новой истории, её эпоса, легенд и сказок, значение её древних монастырей в развитии культуры и национальных черт её литературы и искусства.

Результатом такого изучения был ряд докладов, который рассылался во все теософические отделы.

Кроме работы с русскими теософами и порученной ей А. Безант специальной задачи в Швейцарской Секции, А.А. сумела приложить свои силы в области международных общественных задач, соприкасающихся с задачами теософии.

Одним из её первых достижений был блестяще выдержанный экзамен на доктора des lettres[1] при Женевском Университете. Наблюдая за тем, какое большое значение европейская публика придаёт научному цензу, она решила для поднятия ценности своей теософической работы добыть этот ценз. Весной 1926 года, после выдержанного университетского экзамена, ей предстояло защищать свою докторскую диссертацию. Своей темой она взяла «La Bhagavad-Gita et son role dans le mouvement religieux de l'Inde»[2]. Диссертация оказалась такой интересной, что привлекла массу слушателей — не только из самого университета, но и из города.

Большая университетская аудитория была переполнена, и ей пришлось в течение целых четырёх часов защищаться от нападений своих оппонентов. По окончании этой битвы председатель жюри объявил, что по единогласному решению жюри он выдаёт ей с похвалой и поздравлением докторский диплом, и при этом добавил, что экзаменаторы восхищались не только серьёзностью и глубиной её ответов, но и тем, с каким спокойствием и дружелюбием она отвечала на все нападки оппонентов.

В следующем 1927 году ей было разрешено открыть в качестве приват-доцента Женевского Университета кафедру Сравнительного Изучения Религий. В 1935 году она уже читала три курса: «Сравнительное изучение религий», «Ведизм и Бхагавад-гита» и «Философия прекрасного». Особенный интерес вызывал последний, более доступный курс, который она от времени до времени иллюстрировала световыми картинами. Главная цель этого курса была выяснить существование ритма и гармонии в Природе, в искусстве и в настроении человеческой души, а также всё значение красоты для культуры и для развития верного эстетического чувства.

В 1925 году г-жа Сандерс, бывшая в Лондоне главой «World Peace Union» (Мировой Лиги Мира) предложила А.А. организовать в Женеве «Неделю мира», как подготовительную меру к моменту «Великого Молчания» в утро 11 ноября.

Начиная с этого года А.А. удалось вызвать к жизни и упрочить в Женеве чрезвычайно содержательную и популярную «Неделю мира». Но это требовало большого напряжения, а также и большого организаторского опыта. Ей приходилось каждый раз лично обходить всех представителей церквей и многочисленные в Женеве союзы и общества, объясняя им значение такой «Недели», а также привлекать к сотрудничеству выдающихся профессоров и общественных деятелей. Необходимо было также лично обращаться к министру народного просвещения для разрешения всем школам и учебным заведениям участвовать в «Великом Молчании», а также к городским и церковным властям, прося у первых содействия в прекращении уличного движения в назначенный момент 11 ноября, а у вторых — разрешения колокольного звона во всех городских церквях. (Сигнал должен был подавать исторический колокол собора св. Петра, называемый «Clemence», так как в средние века его звон возвещал амнистию).

Вначале к поднятому А.А. движению примкнуло пять или шесть международных культурных обществ, а в 1935 году в нём участвовало 19 обществ и союзов. Подготовительная работа А.А. для организации «Недели мира» начиналась с того, что она созывала представителей примкнувших обществ и сообща с ними составляла программу, которую они и распределяли между собой. Таким образом одно общество брало на себя день «Вос-

1 Литературы.
2 Бхагавад-гита и её роль в религиозном движении Индии.

питание и мир», другое — день «Наука и мир», третье — «Религия и мир», и т.д. Программы эти развешивались по всему городу, а сама А.А. с ближайшими сотрудниками усиленно пропагандировала смысл всеобщего молчания в течение двух минут в школах, на фабриках, в магазинах, конторах и мастерских.

Одной из главных задач для успеха «Недели мира» было привлечь известных талантливых ораторов для освещения со всех сторон важности мира и возможности поддерживать его в международном масштабе. Эта задача вполне удалась, и на приглашение А.А. отозвались такие выдающиеся ораторы как проф. Ольтермар, д-р Ланге, историк Женевского Университета проф. Ревердэн, философии и этики проф. Шода, знаменитый ботаник проф. Монс-Герцен, физик Мальт, профессор психологии, бывший министр просвещения и другие.

В 1933 году г-жа Сандерс отказалась от своего поста главы «Мировой Лиги Мира», предложив передать этот пост А.А., которая и согласилась занять его. Но ко времени 1935 года «Неделя мира» стала уже настолько значительным и популярным явлением жизни Женевы, что в кругу его высших представителей явилось желание взять его инициативу в свои руки. А.А узнала об этом от одного из выдающихся женевских деятелей и пошла навстречу этому желанию, думая, что такая перемена будет полезна для дела, и предложила своё место всеми уважаемому проф. П. Бовэ, обещая при этом и в будущем помогать в организации «Недели мира».

Другим видом международной деятельности А.А. явилась её работа в возникшем Международном Центре Европейской Теософической Федерации.

Идея такого центра принадлежит г-же Казенс, известной в Индии общественной деятельнице, жене директора Маданапальского Колледжа — Джеймса Казенса (Dr. James H. Cousins). Она сделала доклад на конгрессе Европейской Теософической Федерации в Брюсселе в 1928 г. о важности создания международного теософического центра в Женеве, где кроме Лиги Наций существует так много научных и культурных обществ и ассоциаций (число их доходило до 77). Совет Федерации решил открыть такой центр в Женеве. Для осуществления этой попытки был избран комитет из семи человек, в который вошли А.А. и генеральный секретарь Швейцарской Секции г-жа Ролье. Когда же Казенс уехала в Индию, всё бремя устройства и ведения Центра упало на А.А.

Главной задачей возникшего Центра было, во-первых, дать благоприятные условия для встречи общественных деятелей Запада и востока, и во-вторых — создать нейтральную платформу для освещения мировых вопросов в свете теософии. С этой целью приглашались из различных европейских центров лучшие ораторы, и им предлагалось на время их пребывания в Женеве гостеприимство в Центре, который открыл свою деятельность в помещении, нанятом сообща со Швейцарской Теософической Секцией. Наряду с приезжими ораторами выступали с докладами и лекциями и швейцарские общественные деятели и учёные.

Другим общественным движением, созданным А.А. в Женеве, было образование группы «Медитации о мире». Все её начинания осуществлялись не внешними средствами, не с помощью денежных взносов, а силой её личного влияния и неистощимой энергии. Зная, какую роль могло бы иметь дружеское сближение служителей различных церквей на водворение международного мира, она задумала пригласить нескольких представителей различных вероисповеданий для совместной медитации о «Мире всего мира». Вначале участников было только пять, и они собрались в маленькой капелле Суфи; из этого скромного начала создалось уже нечто значительное, возник союз представителей различных религий под названием: «Union Interconfessionelle des Forces Religieuses»[1]. Целью этого союза являлось, во-первых, братское сближение между различными религиозными движениями в Женеве, которое могло бы наглядно представить собой единый дух, живущий в разнообразии религиозных форм; во-вторых, изучение различных религий в их единой сути — одинакового стремления к жизни в духе; в-третьих, подготовление к единству действия во время «Недели мира», на конгрессах и собраниях различных религиозных ассоциаций.

В 1935 году членами этого союза состояли уже 14 представителей различных вероисповеданий; они собирались в Центре Теософического Общества еженедельно для общей медитации и ежемесячно — для совместного обсуждения различных духовных проблем, главным образом для уяснения истинной «Жизни в Духе».

В 1934 году А.А. сделала доклад на Конгрессе Мира в Локарно, доказывая важность открытия кафедры мира в университетах наиболее значительных европейских центров.

Первым шагом для осуществления этой идеи можно считать намеченную по её инициативе серию лекций в Женевском Центре Теософического Общества. Ей удалось заинтересовать трёх выдающихся профессоров, много работавших по вопросу о мире — проф. П. Бовэ, директора Института Руссо, проф. Рюйдэнс, генерального секретаря «Международного союза ассоциаций, работающих для Лиги Наций», и проф. Эрнеста Бовэ, стоящего во главе Союза Швейцарских Ассоциаций, имеющих ту же цель. Они обещали своё содействие, и в январе 1936 года состоялась серия их лекций в защиту идеи кафедры мира с точки зрения права, с точки зрения воспитания молодого поколения и с точки зрения социологических основ мира.

В конце 1935 года А.А. удалось осуществить свою давнюю мечту — соединить пропаганду теософических идей, одухотворяющих земную жизнь, с областью искусства. Как уже ранее было упомянуто, А.А. сделала несколько попыток в этом направлении. В Петербургском Отделе образовался кружок «Орфей», в котором теософы-музыканты готовили ряд концертов, исполняемых в Тенишевском Училище, а затем в школах, приютах и госпиталях. Наконец, «живописный» концерт памяти А.П. Философовой, о котором говорилось ранее.

Ещё в 1921 году А.А. основала при Швейцарской Теософической Секции музыкальный кружок, который готовил концерты для теософических праздников и устраивал музыкальные вечера в больницах, приютах и у слепых.

В 1935 году А.А. сделала попытку внести в свои две лекции «Ритм высшей жизни» и «Искусство жизни» соответствующую музыку и отрывки поэзии. В конце этого года, во время своего турне по Швейцарии, А.А. встретила выдающуюся пианистку Магду Симменс, одухотворённая игра которой, полная огня, произвела на неё сильное впечатление. Она пригласила артистку в Женеву и с её помощью попробовала дать серию вечеров, посвящённых высшей миссии музыки. На первом вечере была вступительная лекция А.А. «Миссия красоты и искусства в свете теософии», иллюстрированная концертом, исполненным Магдой Симменс. Второй концерт «Le Message de List»[2], начался вступительной речью А.А. о жизни и духовном подвиге Листа, которую Симменс поясняла, исполняя ряд его вещей. Закончился концерт его двумя легендами: «Святой Франциск и птицы» и «Святой Франциск, идущий по водам». Третий вечер, в котором участвовала певица Н., был посвящён Шуману и выполнен по той же программе; сперва речь А.А. о личности и творчестве Шумана, а затем лучшие образцы его музыки с комментариями А.А. Его «Взлёт души» составил как бы торжественный аккорд прекрасного вечера. Соединение чудесного одухотворённого исполнения и

1 Межконфессиональный союз религиозных сил.
2 Послание Листа.

глубоко прочувствованного пения Н. с беседой А.А. увенчалось блестящим успехом.

Рядом с этой творческой работой А.А. начала приобретать всё большую известность как оратор. Она достигла в этой области той ступени, когда оратор овладевает не только вниманием, но и душой своей аудитории. Многие, слушавшие А. Безант, утверждают, что в публичных выступлениях А.А. сильно напоминала им А. Безант. Та же ясность изложения, та же глубокая продуманность, тот же огонь и вдохновение. Но у А.А. этот дар не был врождённым, как у Безант, он явился результатом упорного труда, доступного только для неослабно и сосредоточенно устремлённой воли.

Я следила за её первыми публичными выступлениями в России и знаю, каких усилий они требовали от неё. Вначале она не решалась говорить, а читала свою речь по тетрадке, не уверенная в успехе. Так продолжалось до тех пор, пока она не забыла своё пенсне дома и была поневоле принуждена не читать, а говорить. Лекция оказалась удачной, и она больше не прибегала к записи, но заучивала свои лекции наизусть. Потом она достигла такого совершенства, что одинаково легко и свободно владела речью на четырёх европейских языках и, кроме стройности построения и значительности содержания её лекций, она умела овладеть не только вниманием своих слушателей, но и вдохновлять их, поднимать их душу на высший план.

Кроме выступлений во многих европейских столицах ей приходилось ежегодно делать лекционные турне по всей Швейцарии, а иногда и в других европейских странах. Насколько она овладела ораторским искусством, можно судить по тому, что ей приходилось по просьбе устроителей лекции перед самым выступлением менять назначенную тему на другую, или вместо французского языка излагать её по-немецки, или вместо английского говорить по-французски.

К моему рассказу о многочисленных задачах, исполненных Анной Алексеевной в её зарубежной жизни, следует добавить, что она могла их выполнить только благодаря неутомимой помощи своего преданного друга, Цецилии Людвиговны Гельмбольдт.

Я уже упоминала в первой части моего очерка о работе Ц.Л. с самого начала теософического движения в России. Она взяла на себя должность казначея и секретаря редакции, а когда А.А. попала под суд благодаря недосмотру неодобрительной характеристики византийского императора Константина, она настояла, чтобы её сделали ответственным редактором «Вестника Теософии». Она исполняла всю деловую переписку и вела корректуру; ей же приходилось вести, и всегда удачно, переговоры с цензором и полицией. Наряду с этим она принимала деятельное участие в теософической работе самого Общества. Была членом совета и редакционного комитета, принимала посетителей теософического центра, вела подготовительные курсы для вступающих в Теософическое Общество, была во главе кружка Петербургского Отдела, который изучал основные положения теософии, и была главой «Ордена служения» с самого его основания. Не один теософический съезд не обходился без её помощи. Благодаря своему такту и весёлому юмору она умела сглаживать возникавшие недоразумения и удачно организовывать съезды на физическом плане.

Когда А.А. задумала бежать из России, Ц.Л. решилась без колебания сопровождать её, и как только теософическая работа возобновилась за границей, она продолжала с неутомимой ревностью помогать А.А. Она вела деловую переписку, печатала на машинке, а когда стал издаваться «Вестник», весь главный подготовительный труд она взяла на себя. Она же помогала А.А. в организации всех русских зарубежных теософических съездов, читала лекции в русских отделах в Праге, Брюсселе, Париже, Лондоне и Женеве. В Женеве, где основалась главная квартира Русского Теософического Общества вне России, она стала во главе русской ложи «Джордано Бруно», которую и вела до конца своих дней.

Ц.Л. принимала также участие в международной работе. Когда А.А. и она поселились в Женеве, они застали Швейцарскую Секцию Теософического Общества в самом печальном и дезорганизованном виде; Ц.Л. основала в ней педагогический кружок и стала во главе швейцарского теософического Ордена Служения, принимала активное участие в работе «Круглого стола», а в 1933 году основала «тюремную группу», имевшую целью духовную помощь заключённым. Помимо всей этой работы, которую Ц.Л. исполняла на физическом плане, она, благодаря своей бодрости и безграничной преданности делу теософии, и особенно благодаря своему светлому юмору, вносила в атмосферу скромного центра Зарубежной Русской Секции Теософического Общества самые благоприятные условия для успешной духовной работы.

Читателям моего очерка жизни и деятельности Анны Алексеевны будет, вероятно, интересно узнать, как отражались на ней бедствия, которые выпали на долю русских эмигрантов. Она и Цецилия Людвиговна бежали с котомками на плечах, не имея никаких средств для дальнейшего существования. Между тем, им пришлось жить и работать для теософии в 20-х и 30-х годах текущего столетия, как раз, когда уже начали проявляться в европейских странах — и притом всё усиливаясь — тяжёлые последствия мировой войны и русской революции.

Через некоторое время после того, как они поселились в Швейцарии, возникло то угнетённое настроение и всеобщее обеднение, которое получило название мирового кризиса. Жизнь стала труднее для всех, но самые тяжёлые испытания выпали на долю тех русских эмигрантов, которые не имели в Западной Европе родных и не обеспечили себя денежными взносами в иностранные банки, а таких было огромное большинство.

Когда в приютивших эмигрантов странах начали закрываться фабрики и учреждения, прежде всех теряли заработок русские эмигранты. Лишённые всех гражданских прав, а следовательно и поддержки государства, они оказались в самом безвыходном положении; даже передвижение, необходимое для подыскания работы, было для них почти недоступно благодаря их «волчьим» паспортам, которые требовали каждый раз добывания дорогостоящей визы.

К этим обездоленным принадлежала большая часть и русских теософов.

Та же участь предстояла и А.А. и Ц.Л. У последней не было совсем заработка, а заработок А.А. как приват-доцента, благодаря тому, что преподаваемый ею предмет был доступен только немногим, и ещё потому, что по правилам Женевского Университета половина заработка приват-доцента вносится в университетскую кассу, — был настолько ничтожен, что его хватало только на покрытие месячной платы за квартиру.

Откуда же являлись необходимые средства для их существования? Эта сторона жизни А.А. граничит с чудом. Каждый раз, когда возникала нужда, откуда-нибудь появлялась и помощь. Иногда в самую последнюю минуту. Нужно думать, что какая-то незримая сила направляла эту помощь, когда в ней была нужда.

Теософическая работа А.А. вызывала необходимость передвижения не только по Швейцарии, но и в другие страны — в Англию, Францию, Бельгию, Чехословакию; в этих случаях расходы на её дорогу и гостеприимство брали на себя те секции, которые приглашали её для чтения публичных лекций или для внутренней теософической работы.

На мировом теософическом конгрессе, бывшем в 1929 году в Чикаго, в котором участвовала и она, её пригласила Американская Секция, взяв все расходы на себя.

Что касается путешествия её и Ц.Л. в Адьяр на юбилейный конгресс Теософического Общества в 1925 году, то его нужно отнести к той же области «чуда», о которой я упоминала. Таким же чудом можно считать и мои постоянные свидания с нею в Италии.

Случилось это благодаря тому, что в самом начале зарубежной жизни А.А. в 1922 году моя дочь, вышедшая замуж за итальянца, познакомила её со своим другом, членом Итальянской Теософической Секции, Диной Комессатти, с которой моя дочь жила после смерти своего мужа.

При первой же встрече с Диной Комессатти А.А. произвела на неё такое сильное впечатление, так поразила её совершенством, что для Д.К. было счастьем, когда А.А. согласилась проводить всё своё свободное время у неё в Италии. Благодаря тому, что я жила в доме Д.К., все рождественские, пасхальные и летние вакации мы проводили вместе так же, как это было в России, когда А.А. жила в Петербурге, а я в Подборках (Калужской губернии).

Моё переселение в дом Дины Комессатти произошло потому, что она знала от моей дочери, как трудна становилась для меня жизнь на родине; зная это, Д.К. стала приглашать меня переселиться к ней в Италию, и её великодушная дружба дала мне во всех отношениях прекрасный приют на все последующие дни моей жизни; и в то же время она сделала возможным возобновить общение с моим другом А.А.

Но несмотря на то, что обстоятельства А.А. сложились так благоприятно, всё же такое необеспеченное существование, какое выпало на её долю, должно было бы вызвать в ней тревогу за будущее. Здесь я подхожу к тому её свойству, которое всегда вызывало моё удивление. Подобного равнодушия к материальной стороне своей личной жизни, такого полного освобождения от всех личных земных помыслов и тревог я не встречала никогда. Естественная забота человека, не знающего, что его ожидает завтра, мысль о возможности остаться без крова, никогда не нарушала мира её души. Она по-видимому уже перешла ту ступень, на которой земные потрясения и бедствия, так ярко выраженные в «кризисе» того времени, учат и умудряют людей. Перед ней стояли иные задачи и другие испытания, которые требовали всего её внимания. Сознание истинного смысла всех земных переживаний и глубокая вера в побеждающую силу света, вот что — думается мне — помогало ей смотреть на грозовую тучу, спустившуюся над миром, сохраняя свой светлый оптимизм, дававший так много помощи другим.

Что касается меня, то принимать непосредственное участие в русских теософических съездах мне не пришлось; организовать новый кружок в Италии тоже не было возможности: в Удине, где я нашла приют, оказалась только одна русская семья, совершенно не интересовавшаяся теософией. На мою долю оставалась одна литературная работа. Благодаря помощи Д.К., дававшей нужные средства, и участию П.И. Реггиса, заведующего типографией в Ревеле, который предложил безвозмездно свой труд, удалось напечатать мой перевод книги А. Безант «Эзотерическое христианство» и мою книгу «О скрытом смысле жизни». Мой перевод книги А. Безант «Введение в йогу» был издан фирмой «Петрополис» в Берлине.

Майкл Гомес

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОТОКОЛЫ ЛОЖИ БЛАВАТСКОЙ

из предисловия к книге

Прибытие Е.П. Блаватской в Лондон 1 мая 1887 г. открыло новый период деятельности в истории теософического движения. Предыдущие два года она жила изолированно в Германии и Бельгии, работая над «Тайной доктриной». Лондонские члены Теософического Общества очень просили её поселиться в Лондоне, направив к ней в Остенде (Бельгия) делегацию, возглавлявшуюся 27-летним секретарём Лондонской Ложи Бертрамом Кийтли. Они упаковали её вещи и сопровождали её по пути через Ла-манш в Дувр. Она остановилась у Мэйбл Коллинз, которая была членом Лондонской ложи.

После этого дом Коллинз в южном Лондоне стал магнитом для теософов. 19 мая собравшаяся там группа решила образовать новую ложу Теософического Общества с целью вести более активную работу, чем имела место ранее — Ложу Блаватской. Напечатанные правила ложи объявляли «особой целью ложи распространять теософическое учение и Братство индивидуальной и коллективной работой её членов».

У желавших вступить в эту группу имелось несколько возможностей. Были ассоциированные, или пробные члены, которые обещали «изучать теософию, защищать её и распространять, пользуясь всяким случаем и изо всех своих сил». Для этой третьей степени даже не нужно было быть членом Теософического Общества. Члены, желавшие быть возведёнными во вторую и первую степени, должны были принести более требовательный обет, стараясь сделать теософию действенной силой в своей жизни, поддерживать теософическое движение и его лидеров, воздерживаться от того, чтобы плохо говорить о других, бороться со своей низшей природой, быть милосердными к слабостям других, учиться и учить других, отдавая движению «время, деньги и труд».

Помимо этих дел, Блаватская была занята подготовкой «Тайной доктрины» к изданию. В сентябре 1887 г. она начала издавать ежемесячный теософический журнал «Люцифер» (Светоносец), редактируя его совместно с Мэйбл Коллинз. Скоро стало ясно, что дом Мэйбл Коллинз не может вместить всю эту деятельность, и был снят дом 17 на Лэнсдаун Роуд, в лондонском районе Ноттинг Хилл. Там у Блаватской уже была своя комната. В гостиной по четвергам проходили встречи Ложи Блаватской.

После выхода в свет «Тайной доктрины» в конце 1888 г. решили нанять стенографиста, чтобы записывать всё сказанное в дискуссиях по этой книге на вечерних встречах по четвергам, и все собрания начиная с 10 января по 20 июня 1889 г. записывались. В 1890 и 1891 г. под названием «Протоколы ложи Блаватской» были выпущены отредактированные версии первых 12 встреч. Блаватская так описывала подготовку к этим встречам в письме к своей сестре:

«Да приёмы по субботам, да митинги каждый четверг, с учёными расспросами, со стенографом за спиной, да двумя-тремя репортерами по углам, тоже время-то берут?.. К каждому четвергу ведь и приготовиться надо, потому что не с улицы люди приходят, не неучи, а такие господа как электрик Кингсланд, как доктор Вильям Бенет, как натуралист Картер Блэк. Я должна быть готова защищать теорию оккультизма против прикладных наук так, чтобы по отчету стенографа прямо можно было

печатать в нашем новом специальном ежемесячном журнале под заглавием „Transactions of the Blavatsky Lodge“ (Протоколы ложи Блаватской)».

Одновременно со всем этим Блаватская активно занималась своей эзотерической школой, официально начатой в октябре 1888 г. За то время, когда она отвечала на вопросы на собраниях ложи, она также выпускала инструкции для своей школы. Кроме того, она работала над новой книгой «Ключ к теософии». Летом 1889 г. Е.П. Блаватская отправилась во Францию, где написала «Голос Безмолвия». Когда ложа снова встретилась в сентябре, обсуждения были направлены на эзотерический смысл Евангелия от Иоанна. В 1890 г. президентом Ложи Блаватской была избрана Анни Безант, и ложа переместилась в её дом на Авеню роуд, 19. Стало приходить столько народу, что пришлось построить специальный зал. Даже после смерти Блаватской в 1891 г. Ложа Блаватской продолжала быть ведущим центром теософии в Англии и существует в Лондоне по сей день.

На протяжении многих лет опубликованные «Протоколы ложи Блаватской» были единственной доступной записью речи Блаватской в дискуссиях. Но благодаря предусмотрительности тех, кто был с нею рядом тогда, оригиналы записей сохранились и стали доступны теперь. Сохранение 21 рукописных тетрадей, да ещё в прекрасном для их возраста состоянии — само по себе феноменально. Они были обнаружены среди бумаг покойного Б.П. Вадьи и перевезены в 1992 г. в Лос-Анджелес. После безуспешных попыток расшифровать и перепечатать их,[1] хранители материалов обратились ко мне, чтобы я возглавил этот проект.

Первое, что обнаружилось при сравнении изданной версии с оригиналами, это насколько сильно были отредактированы изданные протоколы. Вопросы иногда были слиты с ответами. Сравните замечание Блаватской на встрече 31 января: «Нет ни одной вещи, которая существует, которая могла бы уйти из вселенной» с опубликованной версией: «ничто из того, что есть во Вселенной, не может исчезнуть из неё». Из выразительного «ничто не эманирует из абсолюта» получилось «Из Абсолюта может исходить излучение, а эманация не может» (запись от 14 февраля). Другое — это способность Блаватской разбираться в самых сложных вопросах, таких как природа реальности, субстанция вселенной, основа сознания и даже происхождение комет.

Снова и снова повторяет Блаватская свою позицию: «Я вовсе не учёная, я никогда не училась; то, что я знаю — это просто то, что мне пришлось прочитать в связи с книгой, которую мне нужно было писать... Я очень простодушная старая женщина. Я прихожу сюда и предлагаю учить вас тому, чему могу. Вы принимаете, очень хорошо, но я не могу научить вас большему, чем могу, вы знаете... Во-первых, вы иногда задаёте вопросы, которые вторгаются в область запретного. Что толку мне говорить вам что-то, а потом захлопывать дверь у вас перед носом? Это будет только раздражением духа и немногому вас научит. А я не могу говорить некоторые вещи. Я говорю всё, что мне разрешено давать. Это может выглядеть слишком глупо, слишком закрыто, слишком эгоистично. Можете думать, что хотите — не я устанавливала правила. Не так я получила это, не так и буду передавать. То, чего я обещала не открывать, я не открою, это невозможно» (встреча 12 от 28 марта).

«„Тайная доктрина“, как я сказала вам, не оккультная книга, а печатный труд для широкой публики» (встреча 14 от 11 апреля). Но там содержится вневременное видение станц, о которых она объясняет: «Понимаете, если бы авторы станц не родились вне времени, они могли бы научиться выражаться лучше; но на самом деле, я думаю, что невозможно удовлетворить вас и дать все эти объяснения. Ведь те, кто писали станцы, написали их так, как писали в те времена; они чисто философские, но если вы придёте и попросите дать каждую мелочь и чтобы это было выражено на Макаулэевом[2] английском, этого нельзя сделать» (№11 от 21 марта).

О самой «Тайной доктрине» она заметила: «Я должна сказать, что у неё было слишком много редакторов» (№14 от 11 апреля). «Теперь много критиков, но когда я писала, помощников было мало» (№9 от 7 марта). Несмотря на эти недостатки она всё же могла сказать: «Могу уверить вас, что если бы вы только взяли на себя труд прочитать эти вещи и сразу же сформировать у себя в голове представление, это привело бы вас к соответствиям и аналогиям, и вы бы поняли, не задавая ни одного из этих вопросов. Потому что, как я говорю, это аксиома и правило, от которого вы не должны отходить: как внизу, так и наверху, как наверху, так и внизу. Только поместите это на другой план, и получится то же самое» (№7 от 21 февраля).

«Теперь вы должны изучать сами. Единственное, что я могу вам дать — это положить вам в руки „ключ“ и сказать: „это открывается так, а то этак“, и так далее. Где один человек поймёт хорошо, другой поймёт меньше. Интеллекту тут нечего делать, вы должны использовать более высокую способность. Материалистическая наука хотела бы войти... вы должны взять всё, а затем переходить об общего к частностям. Иначе вы не ухватите предмет. Это невозможно. Вам придётся пропускать много вещей, или охватывать общий смысл, а затем начинать в первом проявлении, в котором можете, а иначе вы не составите для себя ясного представления. Мне это ясно и понятно, как только может быть. Может быть это потому что я невинная дурочка, но для меня это никогда не представляло никакой трудности» (№22 от 20 июня).

Хотя весь материал представляет собой захватывающее чтение, есть две области, которые заслуживают особого внимания по сравнению с остальными опубликованными трудами — это то, что касается Абсолюта и природы человеческого сознания. Блаватская утверждает, что «из Абсолюта ничего не эманирует», ибо «в божественной мысли всё существует, и не было времени, когда бы этого не существовало, так что нельзя говорить, что что-то возникло, ведь этот божественный разум — Абсолютность, и всё было, есть и будет в нём» (№6 от 14 февраля).

«Когда меня спрашивают, как это так, что оно эманирует, я говорю, что оно не эманирует вовсе. Потому что если высшее или Отец Небесный хочет эманировать, это просто потому что это Вечный Закон, закон ночей и дней, как говорят о Брахме. Есть дыхание, этот принцип, этот закон, и есть нечто, что кажется, вселенная кажется. Я говорю, что это самое величественное и возвышенное представление о Божестве» (№13 от 4 апреля).

«Непознаваемое, абсолютность, — вечно, неизменно; не имея начала, не будет иметь и конца. Непознаваемое как проявление — периодично. Одно неизменно, вне пространства и времени; другое — конечно, потому что периодично — вот почему парабрахманический (или манвантарический) период разделяется на дни и ночи Брахмы. Дни — периоды деятельности, в которые это периодическое проявление, или Непознаваемое, проявлено, приобретает видимость, а ночи Брахмы — периоды, когда всё погружается в эту единую не-сущность. Когда же окончен век Брахмы, составляющий сто лет — не человеческие сто лет, а период, для выражения которого потребуется 17 или 18 цифр — думаю, около 17 миллиардов — тогда наступит период, который потребует столько же лет, сколько и период деятельности» (№20 от 30 мая).

Другая идея, обсуждаемая в подробностях — это человеческое состояние. Блаватская говорит: «Неуничтожимые дживы — это воплощающиеся индивидуальности, не личности, и они — не монады. Монады берут в непосредственное владение астральные образы, чхайи лунных питри, дживы или манаспутры, только в конце третьей расы. У ребёнка это точно как было в первой ра-

1 Один протокол, от 25 апреля, был однако выложен в интернете в 2001 г.; его русский перевод в виде приложения II был включён в издания «Протоколов» 2004 и 2008 г. — *Прим. пер.*

2 Томас Бэбингтон Макаулэй (1800–1859), английский писатель и политик, чьи труды считались образцом английского литературного языка.

се. Сказано, что монады, атма, буддхи, полностью воплотились только когда в детском человечестве развилось полное сознание — то есть в третьей расе — и так с детской единицей, или человеком. Всегда проводите аналогию, и тогда вы неизменно будете находить ключ к оккультному объяснению. Как с первой расы до третьей расы, так и с ребёнком, потому что он микрокосм макрокосма и повторяет, этап за этапом, всё. В эволюции эмбриона содержится целая эволюция вселенной. Это хорошо известный факт, который оккультисты должны знать, более или менее» (№20 от 30 мая).

«Манас не приходит быть счастливым и развиваться. Манас приходит, потому что он слишком чист, а будучи слишком чист, он не имеет ни заслуг, ни проступков. Потому он должен прийти и немножко пострадать, и получить опыт всего, что можно получить в этом цикле воображения. И потому те же опыты сделают его годным для погружения в Абсолют. Он содержит все опыты этого благословенного мира и миров, которые были и будут» (№20 от 30 мая).

«Если вы прочтёте „Тайную доктрину", то увидите, что в людях не было ничего человеческого, пока в формах, выделенных лунными питри, не воплотились манасапутры (сыны ума). Не было ничего, кроме материи, и невещественности буддхи и атмы, потому нужно было так сказать, зацементировать [разрыв] между буддхи и ими. Им нужно было получить этот манас, который есть ограниченное сознание нашего плана существования и их воплощающееся „я". Это воплощающееся „я", идущее от одной личности к другой, собирает опыты каждой жизни. Собрав весь опыт миллионов и миллионов воплощений, это „я", когда период манвантары завершается и этот мир растворяется, имея весь этот опыт, всё больше приближается к абсолюту, и к концу я не знаю какой манвантары, как много их пройдёт, она погрузится в единое, но прежде она должна получить этот опыт. Она всё больше и больше приближается к тому, что есть всё и ничто. Наконец она погружается. Когда мы говорим об этом, мы говорим о состоянии нирваны, это ничто. Именно о паранирване мы говорим. Нирвана — это просто высокий дэвачан» (№21 от 6 июня).

«Вы никогда не должны говорить „моя атма" — у вас нет атмы. Эта идея — проклятие мира. Она произвела сильнейший эгоизм, этот эгоцентризм ... Мы говорим: „мы есть, моя атма, моё буддхи". Но кто вы? Вы никто; вы являетесь чем-то сейчас, а завтра уже нет. Даже это в конце манвантары исчезнет в едином (№22 от 20 июня).

«Вам, европейцем, никогда нельзя было давать семь принципов. Пожалуй, за сто лет вы их и поймёте. В тысячу раз лучше было бы держаться старых методов, которым я следовала в „Разоблачённой Изиде", и говорить о тройственном человеке: дух, душа и материя — тогда бы вы не впали в ереси, в такие ереси, как вы впадаете. Зачем мы делим это на семь частей или аспектов? Потому что наша — высшая философия. Но обычному смертному конечно же будет гораздо понятнее, если сказать ему, что человек троичен — у него есть дух, душа и материя. Что такое дух? Дух тогда станет „я", душа — просто нэфэш, живая душа всякого животного, так сказать, низшая джива, а материя — его физическое тело. Мы же, разделив его, как делят все эзотерические философии, просто смутили европейский ум, потому что он не был тренирован в этом направлении. Для них это слишком рано, и есть лишь несколько человек, которые действительно поймут семеричное деление. А потому нас называют сумасшедшими или обманщиками — одно из двух — и никто не поймёт, что мы имеем в виду. Я говорю, что было бы в тысячу раз лучше не [пытаться] понимать это, и не говорить об этой семеричности, а просто взять старую основу из духа, души и материи. Тогда ереси бы не было» (№22 от 20 июня).

Сюрпризом стало то, что не все обсуждения были сосредоточены на «Тайной доктрине». На собрании 16 мая беседа обратилась к новому проекту Блаватской: «Я закончу его через день или два. О нём было вчера объявлено — „Ключ к теософии". Все жалуются, что „Тайная доктрина" так трудна и сложна, так что мы дадим им это, и возможно, они скажут, что это тоже трудно. Я не знаю, что и говорить. Я собрала все вопросы, которые мне задают снова и снова, потому я на них отвечаю» (№19). Охваченные темы включали в себя карму, перевоплощение и посмертные состояния.

Хотя она могла говорить им: «Подумать только, мы были ангелами и стали чем? — такими вот тыквами, не знающими вообще ничего! Подумать только, мы были украшены крылышками и пёрышками. И где они теперь? Джентльмены, вы слишком пристрастились к расспросам, а вам не следует совать нос в божественные тайны!» (№16 от 25 апреля). Но они настаивали. Задающих вопросы на встречах было от 6 до 9 человек, и как можно видеть из приложения 2, они были из ведущих теософов того времени.

Единственный человек, которого можно встретить на всех записанных встречах, это Уильям Кингслэнд, 33-летний инженер-электрик, избранный президентом группы в марте 1889 г. Томас Б. Харботтл, председательствовавший на предыдущих собраниях, был президентом ложи с 1887 г. Хотя в напечатанной версии «Протоколов» Кингслэнд значится как председатель с 7 февраля, это не так — председательствовать на встречах регулярно он стал лишь с 28 марта. Секретарём ложи был Арчибалд Кийтли, но вопросы обычно задавал его дядя, Бертрам. 25-летний Дж. Р. С. Мид появляется на второй встрече 17 января, а затем не встречается до апреля. На следующий год он стал генеральным секретарём Европейской Секции и Британской Секции. Уолтер Дж. Олд тоже появляется в конце апреля и становится активным участником. Анни Безант прибывает 6 июня, вскоре после своего вступления в Теософическое Общество. Её выберут президентом Ложи Блаватской в следующем году, и она будет занимать этот пост до 1904 г. А.П. Синнетт появился на встрече 18 апреля. Джон Сторер Кобб, один из первоначальных членов совета Теософического Общества в 1875 г., присутствовал 2 мая. Александр Фуллертон, помощник Джаджа из Нью-Йорка, присутствовал 28 февраля. Графиня Вахтмайстер, подруга Е.П. Блаватской, была там 16 мая. Херберт Бёрроуз, связанный с Безант по её общественной работе и вступивший вместе с нею в Ложу Блаватской, появляется 30 мая и в июне. Полковник Чаун и г-жа Элис Гордон знали Блаватскую по Индии.

Среди не столь известных личностей там присутствовали Уильям Эштон Эллис, доктор медицины, посвятивший свои силы тому, чтобы донести сочинения Рихарда Вагнера до английской читающей публика, Фредерик Лей Гарднер (не путать с Э.Л. Гарднером), который после смерти Блаватской перенаправил свои интересы на Герметический Орден Золотой Зари, а в конце жизни был казначеем Ассоциации Блаватской в Лондоне; Эдуар Кулон из Франции, писавший под псевдонимом Амаравелла, У. Скотт-Эллиотт, член Лондонской Ложи (президентом которой был Синнетт), позже написавший книги об Атлантиде и Лемурии, и мисс Кинели, возможно одна из дочерей Эдварда Кинели (1819–1880), вероятно, Арабелла.

Опубликованный теперь материал взят из 21 сохранившихся тетрадей с протоколами лондонских встреч, с 10 января по 20 июня 1889 г. Это воспроизведение рукописных протоколов, сделанное слово в слово. Редактирование касалось только пунктуации и единообразия правописания слов. Все санскритские слова даны с диакритическими знаками. ...

Стенографисту самому приходилось решать, где начинались и кончались предложения. Это не всегда ему удавалось, тем более что расшифровка велась несколькими людьми, как показывает разный почерк в каждом из протоколов. Потому мы рады, что на записях встречи от 10 января видны попытки Блаватской отредактировать копию, и внесённые ею исправления использовались нами как руководство для обработки остального материала. Эти редакторские правки существенно отличаются от опубликованной версии. Теперь читатель впервые получает записи во всей полноте и может почувствовать подлинную речь Блаватской и манеру, в которой

она излагала материал и отвечала на вопросы. А поскольку в журнале Ложи Блаватской с июля 1888 г. по сентябрь 1889 г. имеется пропуск, эти записи вдвойне ценны, позволяя проследить события того времени.

В приложении к изданию я добавил речь Уильяма Кингслэнда, прочитанную в период работы ложи. Возможно, это тот самый документ, который открыл собрание 20 июня. Он даёт хороший обзор темы от человека, присутствовавшего на встречах, и помещает полученную информацию в контекст «Тайной доктрины». Кингслэнд напоминает читателю, что «метод „Тайной доктрины“ — дедуктивный, идущий от общего к частностям... Пусть изучающий „Тайную доктрину“ не принимает форму, в которой она представлена, за принципы, стоящие за формой, и не материализует до догмы бесценные сокровища мудрости, содержащиеся в ней. ...

В „Тайной доктрине“ аналогия — великий закон. Как наверху, так и внизу. Микрокосм — отражение макрокосма. Эти оккультные аксиомы можно найти и в других трудах, но ни в одной другой книге они не снабжены такими примерами, не проработаны в таких подробностях и не охватывают такую широкую область, как в „Тайной доктрине“. Поистине это ключ, который стоит иметь, универсальный ключ, которым мы сможем одну за другой открыть все загадки нашего бытия. Прежде всего все мы должны твёрдо усвоить этот принцип аналогии, и если мы сделаем это, я полагаю, мы скоро откроем её ценность во всех тех областях, в которые мы пытаемся проникнуть. ...

Мы стоим перед загадкой Жизни; мы ловим отблески потрясающих глубин нашего собственного существа и тех высот, взобравшись на которые мы должны стать богами. Мы на мгновение останавливаемся на грани того бесконечного сознания, которое ни велико, ни мало, не является бытиём или небытиём, временем или пространством, светом или темнотой, звуком или безмолвием... Давайте остановимся и послушаем, и может быть нам удастся настроить свои умы на божественную гармонию и пронести какую-то её часть в нашу повседневную жизнь. Поистине, наша задача была доселе нелегка, но с силой, которую мы приобрели, мы будем продолжать стремиться вперёд и овладевать теми более глубокими тайнами жизни, с помощью которых мы только и можем надеяться освободиться от великой иллюзии.»

ИЗ РАНЕЕ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПРОТОКОЛОВ ЛОЖИ БЛАВАТСКОЙ

Встреча ложи Блаватской 21 марта 1889 г.
Председательствует м-р Т. Б. Харботтл

[Первые три вопроса этой встречи Блаватская отредактировала и присоединила к опубликованному протоколу встречи 10, состоявшейся 14 марта. В данном переводе обсуждение этих вопросов опущено]

Шлока 6, продолжение: **Отвергнутый Сын — Один, «Сыны-Солнца» — бесчисленны**.

Вопрос 4. Надо ли понимать это предложение в свете объяснений, данных на с. 99 (с)? И если так, то почему «отверженный» упоминается здесь снова в сопоставлении с «Вторыми Семью»?

Блаватская: Я прочитала всю страницу и не знаю, что вы имеете в виду. Где я говорю о вторых семи? Если это не планеты вы имеете в виду, в каковом случае это не могут быть вторые семь, а могли бы быть 77-е семь, потому что они на материальном плане.

Б. Кийтли: Это в этой станце. Станца говорит о вторых семи, а затем в следующем предложении — об «отвергнутом», а вы говорили об «отвергнутом» в начальной части станцы.

Блаватская: Но вы забываете, что я бесчисленное количество раз пропускала не только строки, но и целые станцы. Вы отлично знаете, что я дала вам лишь около 12 в первом и около 42 во втором [томе].

Б. Кийтли: Что мы хотим выяснить — так это был ли там пропуск.

Блаватская: Конечно вы будете находить пропуски. Я лишь пытаюсь объяснить столько, сколько могу. Там говорится, что Сын один, а «Сынов-Солнц» много. Здесь не имеется в виду наше Солнце, а говорится о духовном солнце. Вы прочитаете это здесь.

А. Кийтли: Духовное солнце — тоже «Отвергнутое»?

Блаватская. Нет, нет, нет. Я сказала, что это говорится где-то там, где Сын и «Сыны-Солнца» бесчисленны.

А. Кийтли: Это «Отвергнутый».

Блаватская. Но это этот «Отвергнутый», а они — не «Сыны-Солнца». Я не называю планеты «сынами-солнцами». Я говорю в общем. Духовное солнце одно, но «сыны-солнца» бесчисленны, и это вовсе не имеет отношения к планетам.

А. Кийтли: Не приложимо ли это равным образом и к планетам?

Блаватская: Что-то подобное может быть, но они больше уже не солнца. Они были солнцами. Я говорю об этом в других местах. Я прочитала это очень хорошо.

Б. Кийтли: Это в станце была эта цитата, вот что меня озадачило.

Блаватская: О да. Вы будете озадачены ещё не раз.

Станца V, шлока 1. **Изначальные Семь, первые семь дыханий Дракона Мудрости, в свою очередь производят из своих святых круговращательных дыханий Огненный Вихрь.**

Вопрос 5. Можете ли вы как-либо объяснить необходимость каждому существу, чтобы стать божественным, проходить через материю для получения собственного опыта?

Блаватская: Пожалуй, достаточное основание для этого можно найти в самом характере вашего вопроса. Прогресс к божественному состоянию — это лишь первый шаг от нашей земли, по крайней мере, к божественному поглощению. А последнее означает, что каждое существо, достигнув этого, станет Абсолютностью — то есть тем, что содержит всё, а потому и каждый земной опыт, включая этот очень странный вопрос, который вы задали (потому что на самом деле это очень странный вопрос). Как может эта Абсолютность стать единой, если не будет содержать каждый опыт — то есть каждую стадию и каждое состояние ума на шкале, или лестнице, совокупных опытов существ? Когда вы ответите на это, тогда я смогу продолжать. А теперь ответьте мне, как это возможно, чтобы Абсолютность, когда вы её достигнете, не содержала хотя бы какого-то одного опыта, включая даже вопрос, который вы мне задали? Он должен быть там.

А. Кийтли: Но он был там раньше.

Блаватская: Он был там в [сокрытии][1], как выразился бы Симон Маг. Он был в божественном замысле. Будучи в божественном замысле, он идёт в абсолютность. Божественный замысел — не Асболютность, это первое проявление Абсолютности и есть Абсолют. Это не абсолютность.

А. Кийтли: Тогда весь процесс одной махаманвантары, тот божественный замысел после предыдущей махапралайи, станет Абсолютностью, чтобы снова эманировать другой божественный замысел?

Блаватская: Конечно же. Потому что все мы меняемся. С каждой махаманвантарой мы становимся совершенно

1 Слово пропущено. — *Прим. пер.*

другими, и всё становится иным. Нельзя сказать, что мы будем немного лучше, или у нас будут более розовые щёки или более длинные носы. Мы будем совершенно чем-то таким, чего мы и не можем представить. Такими, как мы есть, мы являемся лишь в этой манвантаре, которая длится триллионы и триллионы лет. По крайней мере, таково учение. Я ничего не знаю о том, чем мы станем. Так что я знаю только чем мы являемся сейчас.

А. Кийтли: Это наводит на курьёзную идею, что абсолют одной махаманвантары отличен от того абсолюта, который за ним последует.

Блаватская: Вовсе нет. Это тот же Абсолют, только из этой Абсолютности — вещи, которые были, и вещи, которые есть, но ещё не были, вы понимаете, что то, что было, в этом есть; а что то, что будет, его ещё там нет, но оно всё же есть, оно существует, но ещё не вернулось в Абсолютность. Как вы не можете этого понять?

А. *Кийтли:* Это выглядит так, как если бы в Абсолюте был ряд парадигм.

Блаватская: Это на нашем проявленном плане я вам говорю о махате, который рождён. У махата есть начало в начале манвантары, а потому у него должен быть и конец. Я говорю о божественном замысле — не в его абсолютности перед проявлением, а при первом трепете проявления, первой дифференциации, когда этот махат рождается от Брахмы, как говорится в Вишну-пуране. А это совсем другое. Абсолютность не дифференцирует единый, никогда не познаваемый замысел. Сейчас мы говорим только о плане проявления в каждую манвантару.

Кингслэнд: Тогда махат вечно становится, но никогда не является Абсолютом.

Блаватская: Махат — Абсолют нашей манвантары, если вам так нравится говорить. Возможно, вы найдёте лучшее выражение. Я не говорю, что я Герберт Спенсер, пришедший изобретать новые слова. Я просто пытаюсь вам сказать так, как я это понимаю.

Президент: Это абсолют, который не Абсолют. Это Абсолют, который ограничен.

Блаватская: Абсолют не может быть ограничен.

Президент: Я знаю, что не может, но в то же время это не абсолютный абсолют — за ним есть то, что содержит прошлое, настоящее и будущее.

Блаватская: То, что они, от Симона Мага до последнего, называли огнём, который божество, и мы в нашей философии говорим, что это и есть то, что было, есть и будет, и всё же у этого есть начало в каждой манвантаре, прежде чем начинается эманация. И каждый эон проходит такое становление и в свою очередь называется тем, что было, есть и будет. Так что возьмите «Философумену» и прочитайте определение, данное Симоном Магом. Затем возьмите вещь получше, возьмите Валентина, который был одним из высших философов и объяснил это лучше всего. Вы увидите, что он называет это тем, что есть, было и будет. Таким образом у каждого эона есть начало и конец. Потому все они — эманации Абсолюта, сами же они не Абсолют.

Кингслэнд: Тогда в каком смысле они становятся Абсолютом?

Блаватская: Мы тоже Абсолют. Дух в нас становится Абсолютом, но он в своём путешествии, это круговращение.

Кингслэнд: Так в каком же смысле они становятся Абсолютом? Ведь, казалось бы, что они должны появиться оттуда в следующей манвантаре, они должны перейти к опыту.

Блаватская: Потому что у вас не может быть ничего, в чём не было бы Абсолюта. Если бы в нём не содержалось Абсолюта, оно не могло бы чем-либо быть и не существовало бы. В этом мире нет ни одного атома, в котором не было бы Абсолюта.

Кингслэнд: Говоря об Абсолюте в этом смысле, вы не имеете в виду бескоренной корень?

Блаватская. Я имею его в виду.

Кингслэнд: Но этот махат становится корнем без корня?

Блаватская: Махат — лишь название, которое придумали люди, чтобы показать эманацию определённой манвантары в божественном замысле. Мы должны назвать его абсолютностью, мы не можем назвать его чем-либо ещё, потому что философия таких терминов не очень легка.

Кингслэнд: Что же то, что должно развиваться?

Блаватская: Иллюзия, и ничего больше, и эта иллюзия более или менее иллюзорна.

Кингслэнд: Тогда это не имеет отношения к Абсолюту.

Блаватская: Прошу прощения, имеет. Потому что Абсолют развивает одну вещь, а мы с нашими ограниченными и маленькими мозгами видим другую вещь. Мы не только не различаем цветов, но слепы и к истине, и ко всему, и нам приходится принимать эти вещи так, как они представляются, но это не Абсолют.

Б. Кийтли: Думали ли вы когда-нибудь, Кингслэнд, о математической точке предела?

Блаватская: Что такое математическая точка? Она существует? Есть ли в природе такой зверь как математическая точка? Видите, вы вынуждены использовать такие выражения. Как можно прийти — ладно, я не могу изобретать фразеологию, — как вы можно выразить то, что невыразимо?

Кингслэнд: Конечно, для наших ограниченных умов это так, мы признаём это, но мы стараемся осветить вот этот один момент. Что же это — то, что эволюционирует?

Блаватская: Ведантист сказал бы вам, что это иллюзия, маха-майа. Они потому называют это иллюзией, что длится оно лишь мгновение, хотя для нас может продолжаться миллионы лет. Что есть в Вечности то, у чего есть начало и конец и что стоит в последовательности? В Библии это выражено так, что для Господа тысяча лет — это мгновение, но я заявляю, что говорить о тысяче лет — полная чушь. Вы можете говорить о триллионах и даже бóльших продолжительностях, и всё же не приблизитесь к истине. Вечность есть вечность, её нельзя разделить, чтобы сказать: полвечности с четвертью, ибо тогда это уже не может быть вечностью.

Вопрос 6. Атомы (в оккультном смысле этого термина) — вечны и неразрушимы, подобно монадам Лейбница, или же они растворяются во время пралайи?

Блаватская: Посмотрите на этот вопрос, будьте добры. Он доказывает, что атомы по вашим представлениям есть некие вещи, тогда как в этом мире нет таких вещей как атомы, кроме как таких, как математические точки, как я говорю. Атомы, представляют ли они монады Лейбница или вечные и неразрушимые математические точки субстанции, о которых учит наша оккультная доктрина, не могут быть ни растворены во время пралайи ни вновь образованы во время манвантары. Атомы не существуют как поддающиеся оценке количества материи на любом плане. Здесь они — математические точки неизвестного количества. И чем бы они ни были или могли быть на седьмом плане, каждый из них является и логически должен быть абсолютной вселенной в себе, отражающей другие вселенные, и всё же не быть ни материей, ни духом. Теперь вы поймёте это. То есть махат, или божественный замысел, это общая сумма, а есть и представимая фракция. И когда я говорю о фракции, пожалуйста не позволяйте своим материалистическим представлениям воображать, что Абсолют может быть разделён на части или куски. Абсолют —

везде, даже в мельчайших молекулах материи. Его нельзя ни сжать в бесконечно малую часть, ни растянуть в беспредельный космос; он есть и то, и другое. И тем хуже для нас, у которых недостаточно метафизического элемента, чтобы понять объяснение. Как мог Брахма быть назван, например, ану — атомом, если бы он не был чем-то сродни тому, что я пыталась объяснить вам? И не мог быть обусловлен или ограничен пространством, временем или чем-либо ещё? Атом есть и его нет. Атом — материальная точка, потенциал в пространстве, и я полагаю, нет в этом мире точки, которая не была бы атомом. Если вы назовёте это молекулой, то это другое. Но если вы говорите об атомах Демокрита, это другое. Возможно, он подавал это очень материалистически, но если вы говорите об атомах, которые мы называем ану, тогда у них конечно же нет субстанции, о которой мы знаем.

Уильямс: Тогда что бы вы сказали о предельных составных частях обыкновенных газов, вроде водорода и кислорода?

Блаватская: Всё есть атом, но что такое эти атомы? Мы не можем их видеть, мы не можем их понюхать или разделить; атомы есть нечто принятое наукой просто как гипотеза.

Уильямс: Большинство их них обнаруживаются тем или иным из чувств, если вы допускаете, что газы существуют в атомарной форме.

Блаватская: Да, если вы назовёте их молекулами — теми молекулами, до которых вы пока что не добрались. Крукс пытался делить и вновь делить и не смог поймать их, потому что каждую из них можно делить до бесконечности — но когда будет достигнута однородность, тогда вы обнаружите, что эти молекулы стали атомами. Они могут быть атомами Демокрита или кого-нибудь другого, но они — не атомы эзотерической науки. Это совсем другое.

Вопрос 7. В оккультизме истинные атомы понимаются как «частицы» или как нечто более близкое к тому, что можно назвать «вихревыми атомами»?

Блаватская: Я ничего не знаю о «вихревых атомах», над которыми наука сначала смеялась, когда о них говорил [ ][1], а теперь, похоже, сэр У. Томсон их признаёт. Если вы имеете в виду атомы Томсона, то я вообще ничего о них не знаю. Переходите к восьмому.

Шлока 2. **Они делают его посланцем своей воли. Дзыю становится фохатом, быстрым сыном Божественных сынов, чьи сыны — липики, и бежит круговыми петлями. Фохат — конь, а мысль — наездник. Как молния он проносится через огненные облака; делает три, пять и семь широких шагов через семь областей наверху и семь областей внизу. Он поднимает голос, призывает бесчисленные искры и присоединяется к ним.**

Вопрос 8. Значит ли это, что липики — сыны фохата, или же они сыны Изначальных Семи?

Блаватская: Это значит, что они сыны фохата как олицетворения махата, манасапутры, или «сыны вселенских разумов», а это значит, что липики — сыны Изначальных Семи. Я полагаю, сейчас спросят, не является ли их свидетельство о браке незаконным. Я не удивлюсь, потому что, например, что я могу ответить вам на это? Они сыны; они не могут быть сынами, это просто использовано такое выражение. «Сыны фохата» имеет такой же смысл, как «сыны липик» — это просто сходящие сверху вниз, вот и всё.

Шлока 3. **Он — их ведущий дух и лидер. Начиная работу, он отделяет искры Нижнего Царства (минеральные атомы), которые плавают и трепещут радостью в своих сияющих обителях (газовых облаках), и тут же образует зародыши колёс. Он размещает их в шести направлениях пространства, а одно в середине — центральное колесо.**

1 Здесь пропуск в тексте; возможно, Бэббит. — *Прим. пер.*

Вопрос 9. Что тут имеется в виду под минеральными атомами? Ведь станца по-видимому касается периода, когда даже сами «колёса» не образовались и не были размещены.

Блаватская: Это означает то, что должно появиться в этой манвантаре, и «минеральные атомы», которые были отделены для неё в вечности; вот что это значит и ничего больше. Понимаете, если бы авторы станц не были рождены вне времени, они могли бы научиться выражаться лучше; но на самом деле, я думаю, что невозможно удовлетворить вас и дать все эти объяснения. Ведь писавшие эти станцы написали их так, как писали в те времена, они чисто философские, но если вы придёте и попросите дать каждую мелочь и чтобы это было выражено на Макаулэевом английском, этого сделать нельзя.

Кингслэнд: Не бывали ли эти «минеральные атомы» в предыдущей стадии эволюции в прошлой манвантаре?

Блаватская: Определённо были. Ничто не теряется, и они побывали в тысячах и миллионах форм.

Кингслэнд: А в этой манвантаре они достигли минерального царства.

Блаватская: Да, и они переделывались вновь и вновь в горниле природы на протяжении миллионов и миллионов лет.

Кингслэнд: Можете ли вы нам сказать, каковой будет следующая стадия [развития] этих «минеральных атомов» в следующей манвантаре?

Блаватская: Нет. Я вообще ничего о них не знаю.

Кингслэнд: Будут ли они оставаться «минеральными атомами» на протяжении всей манвантары?

Блаватская: Не знаю. Им нужно, как и всему прочему, эволюционировать во что-нибудь ещё.

Б. Кийтли: Хотелось бы мне, чтобы мы получили что-то вроде чёткого представления о том, что же имеется в виду в оккультизме под словом атом.

Вопрос 10. Комментарий (а). Указывают ли упомянутые здесь шесть стадий уплотнения на шесть степеней материи на каждом плане?

Блаватская: Да, указывают — как я полагаю. Мне бы хотелось, чтобы вы встречались по вторникам и пытались задавать вопросы, которые бы не всегда ходили вокруг одного и того же. По-моему на все эти вопросы я отвечала дюжины и дюжины раз. Вы представляете всё те же вопросы в других формах, и это вечный бег в беличьем колесе. Если вы просмотрите то, что было записано, вы увидите, что это так. Это невозможно — если мы хотим получить это во всех аспектах, нам понадобятся сотни и сотни томов.

Б. Кийтли: Это тот вопрос, который мы поднимали несколько раз — об истинном представлении об атомах с точки зрения эзотерической философии. Фактически он лежит в корне значительного количества трудностей. Вот на что, как я думал, мы должны потратить бóльшую часть времени, потому что это очень обширный предмет.

Кингслэнд: Какая разница с оккультной точки зрения между атомом и молекулой?

Блаватская: Я уже сказала вам, и я не могу сказать больше. Молекулу вы знаете, а атома вы не знаете. Я не могу сказать ничего больше того, чем я уже сказала.

Продолжение следует

Любовь Кривич

ТЕОСОФИЯ И АГНИ-ЙОГА ОБ УЧИТЕЛЕ ИИСУСЕ ХРИСТЕ

1. Предпосылки написания статьи

Тема данной статьи была выбрана автором в связи с вопросом об отношении современных последователей Е.П. Блаватской к личности Учителя Иисуса. Автор признает субъективность своего мировоззрения и просит не считать его статью попыткой навязать кому-либо свою точку зрения. Тем не менее, учитывая далеко не однозначное отношение современников близких ему взглядов к данной теме, автор считает нужным напомнить позицию самой Е.П. Блаватской, а также философию, выраженную Великими Учителями в текстах Учения Живой Этики, или Агни-Йоги, записанной Е.И. Рерих. Автор считает для себя неоспоримым факт, что Учение Живой Этики было дано в основном Великим Учителем М., что Великие Учителя М. и К.Х. передавали Высокое Знание сначала через Е.П. Блаватскую, а затем через семью Рерихов, и этот факт не противоречит передаче Знаний Учителями Мудрости через различных людей и в разные эпохи. Тем читателям, которые по своим соображениям не принимают данную точку зрения, автор хотел бы адресовать просьбу о попытке вместить выраженное в этих Источниках отношение к личности Учителя Иисуса, даже если они не считают Учение Живой Этики продолжением Теософии или если первая им не близка. Хотелось бы напомнить в этой связи, что сравнение философий и религий является одной из трех целей, поставленных перед Теософским Обществом самой Еленой Петровной Блаватской.

В связи с указанной темой представляется не лишним разделить отношение современных теософов к Учителю Иисусу и отношение к современной Православной Церкви. Думается, мало кто из нас будет отрицать, что, живя в России и находясь до некоторой степени под влиянием эгрегора Православного Христианства, многие теософы периодически заходят в храмы, молятся, ставят свечи, говорят о мощной светлой энергетике храмов. Однако, и это трудно отрицать, после известных событий 1994 года, когда политика официальной РПЦ провозгласила людей эзотерических взглядов «отлучившими самих себя от Церкви», для некоторых теософов и людей подобных взглядов эти слова прозвучали как гром среди ясного неба, и тогда же наметилась брешь между гражданами одной страны, по-разному понимающими свой Путь. Нужно ли пытаться преодолеть этот водораздел? Нам думается, это сделать необходимо. Только стремление показать свою терпимость и любовь, независимо от чужой нетерпимости и отрицания, может дать хорошие плоды. Только вмещение теософами всех религий Света, всех мировых религий, включая Православное Христианство, может со временем помочь диалогу носителей разных взглядов. Нам думается, что это сделать не сложнее и не проще, чем привести к диалогу разводящихся супругов, живущих в одной квартире, но в некоторых случаях в семьях наступает мир. Если же диалога и не получится, урок самому себе на бóльшую терпимость, с нашей точки зрения, есть неплохая практика Раджа-Йоги в обыденной жизни, и такие навыки могут быть полезны в дальнейшем.

Рассмотрим далее вопрос отношения теософов к личности Самого Иисуса Христа. И здесь мы увидим разногласия. Кто-то, прочитав возмущения Е.П. Блаватской по поводу лживых миссионеров и т.п., искренне считает, что Елена Петровна не любила Христианство, и следует подобным убеждениям. Кто-то, сделав вывод, что Христианство не его путь, считает ненужным обращаться вообще к этой религии, считая себя познавшим нечто более важное. Кто-то считает Иисуса просто каким-то еврейским человеком, когда-то что-то сказавшим людям… Однако же, думается нам, Великие Учителя относились и относятся к Нему иначе. Может быть, стоит задуматься, во всем ли мы правы? Далее будут представлены цитаты, показывающие отношение Учителей и Е.П. Блаватской к личности Иисуса Христа.

2. Е.П. Блаватская об Иисусе Христе

Из письма Е.П. Блаватской Надежде Андреевне Фадеевой от 21 февраля 1880 г.:

«1. Теософское Общество *не является* антихристианским.

2. Его члены принадлежат ко всем возможным вероисповеданиям и национальностям; *все* они не могут быть христианами, однако от членов-христиан *отнюдь не* требуется отказа от веры в Христа, пусть даже как в Бога.

3. Главная цель Общества — *всемирное братство* и справедливость по отношению к любой религии, любой вере — какой угодно, лишь бы была искренней, и борьба не на жизнь, а на смерть с любым **лицемерием**. Ведь Христос пошел на смерть, сражаясь именно с ним, и Его учение было направлено в основном именно против лицемерия.(…)

К тому же в «[Разоблаченной] Изиде» нет *ни слова против Христа*, нет ничего кроме величайшего уважения, почтения и преклонения перед Ним. Я выписала оттуда некоторые фразы, (…), где говорится: «Почему же тогда Иисуса из Назарета, который в тысячу раз выше, благороднее и нравственно величественнее Магомета, христиане не чтут так же и не следуют ему на практике, вместо того чтобы слепо его обожать в бесплодной вере как бога и в то же время поклоняться ему в манере некоторых буддистов, которые вертят свои молитвенные колеса?» (…)

Я не выступаю против Христа, против Иисуса (как, собственно, и никто из наших братьев). Я не против христианства *истинного* — я против западного, *ложного* христианства, которое один из членов высшей ложи Теософского Общества в статье, опубликованной в «Blackwood Magazine»(…), назвал «антихристианским». Автор выступает там под псевдонимом «Турецкий эфенди». В этой статье он также называет учение Христа *самым великим, чистым и благородным*, а на *псевдохристианство* Запада (…) он обрушивается так же яростно, как и я в своей «Разоблаченной Изиде».

А если я не верую в Христа как в одного-*единственного* тождественного Богу, то это (…) не моя *вина*. (…)

Некоторое время назад я, возможно, и верила в Иисуса, но не верила в Бога; теперь же, перестав веровать

в Христа, я начинаю *верить в* Бога, что, на мой взгляд, ничуть не хуже. Если я несколько больше, чем прежде, верю в высшее совершенство его учения и его личную святость, да еще пытаюсь в меру своих скромных возможностей следовать ему во имя Незримого Великого Бога, которого он называл Отцом нас всех, и всего-навсего *не могу* поверить в его Божественность и тождественность Богу, я ничем не рискую, когда навеки покину невежественный суд этого мира, дабы предстать перед великим судом закона исправления, которым ведает *Он* — тот, кого никогда не могли постичь даже самые великие из его приверженцев и никогда не постигнут на этой земле.

Если же Христос действительно Бог, то он видит, что я никоим образом не считаю себя безгрешной, так что он не станет наказывать меня, и даже наоборот, скорее одобрит за искренность и прямоту, ибо всевидящее Око не может не видеть, что моя единственная вина лишь в том, что я не способна быть лицемерной. А если Иисус не Бог, как сам же он и учил нас, когда говорил: «Что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один Бог» (простите, если я цитирую не совсем точно), — этой фразой ясно давая понять, что никогда не считал себя Богом, — что ж, тогда я и подавно ничего дурного не сделала. (…)

Надеюсь, вы (…) больше не станете меня обвинять в оскорблении Христа, чего я никогда не делала и не делаю. Но вот против подлых, кровожадных лжецов и лицемеров — протестантов и католиков — я буду биться до последнего вздоха. Иисуса — благороднейшего из людей, идеального человека — они превратили в кровожадного, неистового, полоумного Иегову, который недостоин стоять рядом даже с отвратительным Брахмой». (По другим источникам: «…с вызывающим у них отвращение Брахмой», — *Прим. Авт.*)[1]

В комментарии к вышеизложенному хотелось бы обратить внимание, что западное Христианство во многом изменилось со времен 1880 года, в частности Католичество при Папе Иоанне Павле Втором, с точки зрения автора данной статьи, поэтому сегодняшним теософам-католикам Запада, вероятно, не следует обижаться на оценки, данные Е.П. Блаватской ее современникам.

И еще одна цитата о вере Е.П.Б.: «…вера моих русских предков для меня священна, (…) я всегда встану на защиту этой веры и России».[2]

3. Отступление. Теософия и Ислам в свете последних событий

Хотелось бы сделать одно «лирическое» отступление, косвенно связанное с темой данной статьи и напрямую — с недавними событиями в Москве (терактами в метро). Вполне возможно, что вышеприведенная цитата о сравнении Учителя Иисуса и Пророка Мохаммеда могла задеть кого-либо. Если данную статью читают теософы, связанные с эгрегором Ислама, хотелось бы, чтобы слова, сказанные Е.П. Блаватской о Пророке Мохаммеде, поддержали их в убеждении, что, с точки зрения Теософии, Ислам также является одной из религий Света. Думается, следует спокойно воспринимать, что Е.П. Блаватская могла быть достаточно категоричной во многих высказываниях. Вероятно, как и любой человек, она могла изменять точку зрения на какие-то аспекты знаний. Во всяком случае, следующая цитата, как мы надеемся, примирит последователей Ислама с Теософией, а тем, кто нетерпим к Корану, лишний раз напомнит, что сегодняшний терроризм не имеет ничего общего с заветами Пророка, как и инквизиция не имела ничего общего с заветами Иисуса Христа. Вот что писала Елена Петровна У.К. Джаджу 15 сентября 1887 года: «…Магомет… основал религию, которая в тысячу раз лучше любой другой, кроме буддизма».[3] Делая отступление от главной темы, автор еще раз хотел бы подчеркнуть, что единственная цель статьи — призвать единомышленников к веротерпимости и толерантности в наше непростое время, когда множество сил, направленных во зло, стремятся расколоть общество в угоду в первую очередь политическим амбициям, пытаясь для этого посеять вражду между представителями разных национальностей и вероисповеданий. Цель Теософского Общества, как было сказано выше, — Братство человечества, из нее логически вытекает необходимость показывать пример толерантности, и это, как нам кажется, — одна из главнейших задач в сегодняшней России для любого честного человека, особенно верующего.

4. Учение Живой Этики об Учителе Иисусе

Прежде чем цитировать фрагменты Учения Живой Этики, хотелось бы вкратце напомнить, почему именно его мы рассматриваем здесь как логическое продолжение дела Теософии. Вот что говорит Великий Учитель М. семье Рерихов в 1922 году: «Считаю, Мориа щит свой поручил вам. (…) Если Блаватская должна была явить «Тайную Доктрину», то вы должны сообщить о Нас практическим путем — это следующая ступень явления Нашего Братства. (…) Не школа, не общение, но объявление желания Братства, но явление новой ступени жизни, когда вне тайны люди должны начать привыкать к благодетельным Силам».[4]. <u>И еще одна фраза, — ключевая для данной статьи, как нам кажется, — произнесена Великим Учителем М. в 1923 году: «Мой завет явлен с Воли Христа».</u>[5] (Подчеркнуто мною. — *Л.К.*)

Теперь хотелось бы вернуться к главной теме работы. Автор не ставит перед собой задачу привести здесь все высказывания об Иисусе Христе, которые только можно найти в необъятном море сборников Агни-Йоги, а также трудах последователей Рерихов. При желании эту работу может проделать для себя каждый желающий. Мы остановимся лишь на нескольких фрагментах, которые ярко продемонстрируют отношение Учителей к личности Иисуса. Нам думается, что комментарии будут излишними.

Обратимся к образу Христа — Великого Путника, Космического Учителя, и Его Матери, какими Они предстают в Учении Живой Этики. В книге «Надземное» (147) о Марии говорится: «Мало знает история о Матери Великого Путника, которая была не менее великой, нежели Сын. Матерь была из великого рода и собрала в себе утонченность и возвышенность духа… Она заложила в Сыне первые высшие думы и всегда

1 Цит. по: Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. Сборник. Перев. С англ. — М.: Сфера, 2002. — С. 206-211.
2 Цит. по: Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. — М.: Сфера, 2002. — С. 605-606). Среди высказываний Е.П.Б. было и такое, где она утверждала, что в Русском Православии есть глубоко зарытое зерно Высокой Истины, которое не сразу бросается в глаза, но, к сожалению автора данной статьи, найти и процитировать фразу без искажения не удалось.
3 Цит. по: Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. — М.: Сфера, 2002. — С. 498
4 Цит. по: Агни-Йога. Высокий Путь. Часть 1. 1920–1928. — М.: Сфера, 2006. — С. 75
5 Цит. по: Агни-Йога. Высокий Путь. Часть 1. 1920–1928. — М.: Сфера, 2006. — С. 175

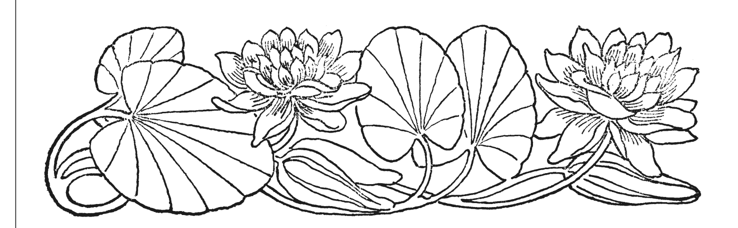
была оплотом подвига. Она знала несколько наречий и тем облегчила путь Сыну… Она поняла величие завершения и ободряла даже мужей, впавших в малодушие и отречение. Она готова была пережить тот же подвиг, и Ей Сын поведал решение Свое, укрепленное Заветами Учителей… Говоря о Великом Путнике, прежде всего следует сказать о Той, которая вела Его по высотам».[1] И далее — о Нем Самом: «Часто Он оставался один. Не следует думать, что странствия Его протекали всегда в богатых караванах. Не забудем, что, облекшись в земную оболочку, каждый становится в условия плотного мира. Такое обстоятельство обычно упускается из виду и предполагается, что Наши Братья, идущие в мир, будут в каких-то неестественных, особых условиях… Не думайте, что сказанное о встрече Великого Путника с князем тьмы есть вымысел или символ» («Надземное», 149).[2] О Его Учении сказано: «В самых простых словах Он давал наставления всей сущности жизни. Эта простота не была измышлена для народа, а красота была в том, что Высочайшее выражалось наипростейшими словами… И в Тонком Мире влияние Его велико, и любит Он опускаться в низшие слои, чтобы прана Его ауры очищала темные сферы. Не думайте, что Ему — даже Ему! — легки такие нисхождения. Тем более может служить примером Его целительное прикасание к язвам страданий. У Нас принято посещать низшие слои Тонкого Мира». («Надземное», 150).[3] *Таким образом, из текстов Учения Живой Этики следует, что Иисус Христос работает вместе в Братьями Великого Белого Братства (Шамбалы).* О Его личных качествах рассказывается следующее: «А улыбка Его была прекрасна. Эту задушевность даже ученики не всегда оценивали. Бывало, и осуждали, когда, по их мнению, Учитель уделял слишком большое внимание незначительному человеку. Между тем прекрасные сосуды открывались под такими улыбками. Также бывали осуждения за беседы с женщинами. Но Учение было сохранено именно женщинами. Также осуждали присутствие так называемых язычников, забывая, что Учитель пришел к людям, а не к одной секте». («Надземное», 152).[4] И еще: «Он мог позвать птицу себе на руку и послать ее в определенном направлении. Он мог усмирить любое животное не окриком, а внушением спокойствия». («Надземное», 154).[5] Благодаря этим цитатам мы имеем возможность убедиться, что Учение Живой Этики повествует о Великом Путнике с любовью и симпатией. Также даны апокрифические высказывания, не вошедшие в канонические Евангелия, например: «Еще Учитель говорил: „Уберегитесь от дурных мыслей. Они обратятся на вас и осядут на плечи ваши, как омерзительная проказа. Но добрые мысли вознесутся ввысь и вас понесут. Нужно знать, насколько человек носит в себе и свет целебный, и мрак смертный“». («Надземное», 160).[6]

Напоследок приведем еще один отрывок, посвященный Иисусу Христу («Листы Сада Мории», «Озарение», 153): «Взяв бамбуковую трость, Он очертил квадрат вокруг отпечатка Его следа, прибавив: „Истинно говорю — ногою человеческою“. Потом, отпечатав ладонь, также заключил ее в квадрат: „Истинно говорю — рукою человеческою“. Между квадратами Он начертил подобие колонны и покрыл как бы полусферой. Он говорил: „О, как Аум проникнет в сознание человеческое! Вот Я сделал пестик и над ним дугу, и заложил основание на четыре стороны. Когда ногами человеческими и руками человеческими будет построен Храм…, пусть Моим путем пройдут строители… Когда Имя Храма произнесено будет, тогда выступит начертание. Запомнив Мое созвездие, квадрат и девять звезд засияют над Храмом. Знак ступни и руки будет начертан над камнем краеугольным“. — Так это Сам сказал накануне новолуния».[7]

5. Вместо послесловия

Приведенные выше высказывания говорят сами за себя. Однако автор предполагает, что не всем читателям захочется согласиться с выводами, следующими из данной статьи. Каждый имеет право идти своим Путем, и автор не претендует лишить кого-либо свободы выбора. Единственное, о чем хотелось бы попросить читателей еще раз, — задуматься о Миссии Великого Путника Иисуса Христа и попробовать вместить этот образ без противоречий со взглядами Теософии. Как писала Елена Ивановна Рерих: «Мы никогда не отказываемся прочесть ни одной предложенной нам книги, чтобы как-нибудь не пройти мимо ценной жемчужины. Но распознавание всегда и во всех Учениях полагалось в основу ученичества. И учение Е.П. Бл[аватской] особенно настаивало на таком распознавании, которое заключается в огнях сердца. (Вариант: *Е.П. Блаватская* особенно *настаивала* на распознавании, которое заключается в огнях сердца, *в чувствознании, этом глазе Дангмы*). Итак, еще раз скажу, что все связанное непосредственно с Е.П. Бл[аватской] глубоко почитается нами».[8]

Любовь Кривич — культуролог, член Теософического Общества

Наш сайт — www.theosophy.ru

Вестник Теософии (эзотерический альманах). Тираж 150 экз.
Адрес редакции:
Московская область, 143500, а/я 77. E-mail: mto@theosophy.ru

1 Цит. по: Мозаика Агни Йоги. Тбилиси: Хеловнеба, 1990, — Т. 2, с. 196–197
2 Цит. по: Мозаика Агни Йоги. Тбилиси: Хеловнеба, 1990. — Т. 2, с. 197
3 Цит. по: Мозаика Агни Йоги. Тбилиси: Хеловнеба, 1990. — Т. 2. — С. 198
4 Цит. по: Мозаика Агни Йоги. Тбилиси: Хеловнеба, 1990. — Т. 2, с. 198-200
5 Там же, с. 201.
6 Там же, с. 205
7 Цит. по: Рерих Николай. Семь Великих Тайн Космоса. М.: Эксмо-Пресс, 1999. — С. 164
8 Цит. по: Рерих Елена Ивановна. Письма.— М.: Международный Центр Рерихов, 2006. — Т. 6, 1939–1939. — С. 173